Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Часть VII

Издательство
Нижневартовского
государственного
университета
2017

ББК 63.3(253.3-6Хан)
П 99

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

Авторы:
Я.Г. Солодкин (гл. 1–2); *А.В. Спичак* (гл. 3); *В.В. Митрофанов* (гл. 4);
О.П. Цысь (гл. 5); *М.В. Угрюмова* (гл. 6–7);
Л.В. Алексеева, С.В. Миронычев (гл. 8);
Л.В. Алексеева (гл. 9).

Под общей редакцией
кандидата исторических наук А.В. Спичак

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор филиала Южно-Уральского
государственного университета (филиал НИУ в г. Нижневартовске)
В.В. Митрофанов;

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой
гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Южно-Уральского
государственного университета (филиал НИУ в г. Нижневартовске)
И.Г. Рябова

П 99 **Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы:** Коллективная монография. Ч. VII / Под общ. ред. А.В. Спичак. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. – 123 с.

ISBN 978-5-00047-378-8

В новой части коллективной монографии по истории ХМАО-Югры рассматривается широкий круг вопросов прошлого Северо-Западной Сибири конца XVI – XX вв., вводится в научный оборот значительный архивный материал.

Для ученых, аспирантов, студентов, краеведов.

ББК 63.3(253.3-6Хан)

ISBN 978-5-00047-378-8
© Издательство НВГУ, 2017

Глава 1

УДК 93/94

К РАННЕЙ ИСТОРИИ ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация. Данные о составе гарнизонов Березова и Сургута, зачастую обойденные вниманием исследователей, позволяют внести уточнения в сложившиеся среди историков представления относительно круга атаманов и других служилых людей основанных на территории Югры в конце XVI в. русских городов. Это, между прочим, открывает дополнительные возможности для изучения путей колонизации Северо-Западной Сибири в первые годы после ее присоединения к Московскому государству.

Ключевые слова: Березов; Сургут; гарнизон; служилые люди; атаманы; годовальщики.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 17-11-86004

Важную роль на начальном этапе русской колонизации Обь-Иртышья сыграл гарнизон Мансуровского городка, «срубленного» поздней осенью 1585 г. – примерно через полгода после того, как уцелевшие «ермаковы казаки», оставшиеся без своего предводителя, покинули «Сибирскую землю». Девять лет спустя, когда заложенный воеводой И.А. Мансуровым острог московские власти распорядились сжечь, «годовавшие» там ратные люди приняли участие в сооружении стен и башен Сургута, где и стали нести многообразные «государевы службы». Накануне, в 1593 г., отрядом Н.В. Траханиотова (совсем недавно строившего вместе с князем П.И. Горчаковым Пелым) возле устья Северной Сосьвы был основан Березов.

В двух работах мы попытались реконструировать состав служилых «миров» Сургута и Березова первых лет их существования (Солодкин 2002: 25–35; Солодкин 2016: 20–32). В настоящее время приведенные в этих работах данные могут быть дополнены, а подчас уточнены, что представляется немаловажным: ведь

речь идет о людях, «трудом и отвагой которых утверждался кусочек русской цивилизации в … суровом крае» (/Резун/ 1996: 21).

Предположение, будто уже вскоре после гибели Ермака казаки, не желавшие служить «белому царю», отошли в Березов (Резун 1981: 20), должно считаться произвольным уже потому, что этот город возник в 1593 г.

Согласно челобитной «енисейского недоросля» Н.А. Галкина о поверстании в дети боярские за службы предков (1699 г., до 20 сентября), его прадед А. Галкин, «взявший» с Ермаком «Сибирское царство», 30 лет провел в атаманах «на Березове» и был «от иноземцев убит» в Мангазее (Александров 1964: 80, примеч. 5; Александров, Покровский 1991: 82; Катанаев 1998: 95; Покровский 2006: 192–193, ср. 181, 198; Скрынников 1986: 187, 267). Об этом же сказано в грамоте в Енисейск от 26 февраля 1703 г. относительно зачисления в состав детей боярских В. Галкина (в ответ на его челобитную за 5 января 1701 г.) (Памятники 1882: 216). (Известно, что десятки березовцев несли «годовую службу» в Мангазейском остроге, затем в городе в первые годы после его возникновения).

Считать А. Галкина первым атаманом березовских казаков (ОИЮ 2000: 198) или полагать, что он служил в Березове в начале его существования (Внукова 2013b: 47; Резун, Васильевский 1987: 180), думается, не приходится. В 1594 г., как видно по наказу о возведении «Сургуцкого города», атаманом в Березове являлся Д. Базаров. (Н.Н. Оглоблин принимал его за письменного голову (Обозрение 1901: 123), но эту должность тогда занимал А.И. Благой или Благово) (Вершинин, Шашков 2004: 12, 15). В самом конце XVI в. березовскими атаманами числились И. Аргунов, И. Пеший (Пешнев) и Я. Чермной. Первый из них упоминается и в именной книге гарнизона Березова за 1627/28 г., где указания на А. Галкина мы не находим; зато в казаках в этом документе значится И. Галкин, ставший в конце 1620-х гг. атаманом Енисейского острога (Березово 2008: 85, 88; Бродников 2009: 123; Миллер 2000: 66, 67, 422, 440–442; Миллер 2005: 51–53, 158, 159, и др.). Самое раннее известие о А. Галкине как березовском атамане (тогда он сопровождал ссыльных из Москвы до Тобольска через Верхотурье) относится к 1610 г. (Верхотурские грамоты 1982: 246). В первых десятилетиях XVII в. в Березове, по наблюдению

Е.В. Вершинина, несли службу три атамана, каждый из которых возглавлял, что было обычным, казачью сотню; в то время березовский гарнизон насчитывал приблизительно 300 (порой с небольшим) служилых (Внукова 2013а: 31; Пузанов 2011: 109, 114). В начале «бунташного века» атаманом в Березове являлся и И. Мокринский. Видимо, к тому времени И. Пешего (Пешнева) или не было в живых, или его перевели в другой гарнизон.

По утверждению Д.Я. Резуна и В.А. Перевалова, в первые годы существования Березова там осели Кокоулины (/Резун/ 1996: 24; Перевалов 2003: 13). Наиболее ранние сведения о службе в этом городе Бажена Кокоулина относятся, однако, к середине – второй половине 1610-х гг. (Малов 2015: 168, 171–172; Перевалов 2003: 13; ср. Березово 2008: 86–88; Миллер 2005: 454; Обозрение б. г.: 29; ОИЮ 2000: 166, 170, 171, 203, 204; ПССГ 1996: 51).

В начале XVIII в. (не ранее 1711 г.) один из внуков иркутского сына боярского И.М. Перфирьева писал в челобитной об участии своего прадеда Максима Перфирьева в качестве атамана в походе 1600 г. тобольских и березовских служилых людей в низовья Енисея. А.А. Бродников признает это сообщение достоверным, хотя отмечает, что в таком чине за самый конец XVI в. М. Перфирьев упоминается «в источнике, отстоящем от события более чем на век», а в последующей достаточно обширной документации Максим официально значится атаманом с 1628 г., первые же (помимо указанной челобитной) известия о нем относятся только к 1618 г., когда Перфирьев во главе отряда сургутян отправился строить Енисейский острог (Бродников 2003: 213, 215, 217)[1]. Но в рати князя М.М. Шаховского и Д.П. Хрипунова, «срубившей» Мангазейский острог, состоял один атаман – березовец Я. Чермной (Миллер 1999: 386, 389, ср. 400–401; ОИЮ 2000: 199; ПСРЛ 1987: 191, 259, 316, 369)[2].

Из челобитной Г. Ваюсева (1657 г.) мы узнаем, что он сообщил воеводе князю П.А. Черкасскому о «шатости великой» и измене среди остяков Березовского уезда; двенадцать среди них

[1] В перечне служб атамана Максима Перфильева, приведенных в отписке 1631 г. енисейского воеводы князя С.И. Шаховского, самая ранняя относится к 1626/27 г. (См.: Миллер 2005: 172).

[2] Д.Я. Резун отчего-то называл его Черемным (Резун 1981: 37, и др.).

были повешены, а Ваюсев крещен и поверстан в казаки; службу «на Березове» он нес свыше 20 лет, до отставки по старости в 1628/29 г. при воеводе князе М.В. Белосельском (Акишин 1994: 122, 127–128; ОИЮ 2000: 188–190). Заметим, что в относящейся к 1627/28 г. именной книге березовского гарнизона – первой из сохранившейся – новокрещен Ваюсев не упомянут.

В «Очерке Сургутского края» С.П. Швецова (1889 г.) утверждается, что многие казаки, проживавшие в Сургуте, «вели свою родословную непосредственно от казаков, пришедших в Сибирь и завоевавших ее вместе с Ермаком». Едва ли этому свидетельству стоит, как иногда поступают (Тяпкина 2001: 75: Ульянова 2004: 47), доверять безоговорочно, тем более что у Г.Ф. Миллера, побывавшего в Сургуте летом 1740 г., такое известие не встречается[3]. Кстати, в «Очерке…» С.П. Швецова (как и у писавшего двумя с лишним столетиями ранее Н.Г. Спафария) зафиксировано также бытовавшее среди сургутян мнение о возникновении их города «после … Тобольска первым, прежде всех иных городов Сибирских» (Резун 1981: 54–55). Напомним, однако, что вслед за Тобольским острогом были основаны (в 1593 г.) Пелым и Березов.

Е.М. Главацкая и А.Т. Шашков включали в число первостроителей этого города атамана Т. Иванова и казаков его станицы, переведенных (о чем известно, в частности, по отписке 1623 г. пелымского воеводы И.М. Вельяминова Спасского) туда из выстроенного годом прежде Пелыма. Как сообщается в городовом списке Сургута за 1698/99 г., три «башни уголные» там «ставили» в 1594/95 г. (ПССГ 1996: 156)[4]. В их сооружении могли принять участие и Т. Иванов со своими казаками, видимо, прибывшими к устью Сальмы уже тогда, когда письменный голова В.В. Аничков и подчиненные ему служилые люди успели заложить стены и башни новой русской крепости в Югорском крае. (Заметим, что самого первого из известных нам сургутских атаманов звали не Темирь, как обычно утверждается, а Темир. Это довольно редкое

[3] Известно, что Г.Ф. Миллер интересовался устными историческими преданиями сибиряков, например, жителей Тары (Резун 1981: 43, и др.).

[4] Стало быть, Д.Я. Резун заблуждался, когда утверждал, будто летописные датировки основания Сургута «не подтверждаются никакими архивными данными» (Резун 1981: 36).

имя относится к числу нехристианских (Буганов, Корецкий 1971: 131)).

По словам Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского, «из анализа царской грамоты 1594 г. в Сургут следует, что уже до появления там правительственного отряда с воеводами в этом районе были какие-то русские люди – казаки «терские, и сольские (скорее всего, волжские, менее вероятно, – «польские». – *Я. С.*), и донские»», которых надлежало привлечь «к постройке Сургута» (Резун, Васильевский 1989: 21). Точнее, речь должна идти о наказе 1595 г., где содержится распоряжение вторым по счету сургутским воеводе и письменному голове казаков станицы Т. Иванова удерживать на службе, но им отнюдь не вменялось в обязанность участие в строительстве укреплений новой русской крепости «в верх Оби» (Солодкин 2015: 11).

Атаман Т. Федоров, поначалу, возможно, состоявший в Сургуте в рядах станицы Т. Иванова, в 1614 г. «годовал» в Кетском остроге с Г. Моржом. Мы не располагаем достаточными основаниями, дабы безоговорочно причислять Тугарина к участникам строительства Томска (Внукова 2013b: 47); известно лишь о том, что сургутяне, между прочим, находились в числе служилых, «ставивших» этот город в начале осени 1604 г. Т. Федоров же, судя по его челобитной Михаилу Федоровичу, мог или сооружать ясачное зимовье на Томи (Древний город 1994: 122), или собрать там ясак с татар-еуштинцев в самом конце XVI в. Не приходится подобно Г.Ф. Миллеру считать Тугарина сургутским казачьим головой; пока не стоит и утверждать, будто он «долгое время служил в Нарыме» (Миллер 1999: 296, 607).

В 1621 г. в Сургуте несли службу казаки Чудин, Захар и Иван Федоровы (Миллер 2000: 696; Обозрение 1900: 217) – возможно, родственники Тугарина. Эта фамилия относится в Сибири XVII в. к числу самых распространенных (Миллер 2000: 768–769, и др.), и считать, что сына атамана, носившего редкое имя Тугарин (Веселовский 1974: 324), могли называть Петром Тугариновым (Александров, Покровский 1991: 398), думается, не стоит. (Если иметь в виду «Сибирскую страну», то помимо Федорова, нам известно лишь о носившем то же имя его младшем современнике Панютине, ставшем атаманом «Тобольского города» (подобно отцу), а затем и местным сыном боярским (Миллер 2005: 595,

603; Обозрение 1901: 46, 47; Перевалов 2004: 26–28; ПССГ 1996: 71, 88; Резун 1996: 24, и др.)).

Сургутский атаман Т. Деев (в 1602 г., будучи пятидесятником, он сопровождал в Москву князца Кичея «с товарыщи») в 1611 г. посылался в Нарым для решения вопроса о переносе Кетского острога, и тогда выяснилось, что избранное место на Тогурском устье «неугоже, вода поимает» (Миллер 1999: 401, 428, 430, 431; Миллер 2000: 269).

В числе строителей Сургута, а спустя десятилетие Томска упоминаются Еремей Вершинин («родом важенин») – основатель клана томских казаков, и выходец из Ярославля Иван Поплевинский (Теплинский). Д.Я. Резун вслед за Н.А. Миненко указывал, что фамилия Кайдаловых – «семейного клана сургутских казаков» – «встречается (очевидно, в документах. – *Я. С.*) в самом начале XVII в.», когда ее представители «ставили» Томск (Резун 1993: 38, 138; /Резун/ 1996: 9; Резун 1997: 17). В то время в рядах гарнизона Сургута состоял десятник И. Кайдалов (Миллер 2000: 49, 247, 273, 281). Немало служилых людей «Сургуцкого города», носивших эту фамилию, известно с конца «бунташного века» (Древний город 1994: 135, 141; Никитин 1995: 105; Ульянова 2005: 52; Ульянова 2006: 13; Ульянова 2007: 23).

Одним из первых сургутян А.Т. Шашков считал казака Ивана Астраханца, который, достигнув уже в Тобольске чина сына боярского, погиб в середине XVII в., точнее, после 1654 г. (Древний город на Оби 1994: 121; ОИЮ 2000: 199). Д.О. Скульмовский выражал сомнения в том, что Иван Астраханец, «ставивший» Сургут, и тобольский сын боярский, живший еще 60 лет спустя, – это одно и то же лицо (Скульмовский 2008: 18–19). Скорее, действительно, одного из служилых людей, принявших участие в основании Сургута, не следует отождествлять с кем-то из тоболяков – сыном боярским или казаком литовского списка (в 1620-х гг.), атаманом, в 1626 г. участвовавшим в сооружении Качинского (Красноярского) острога и оставшимся в местном гарнизоне, а также казаком, который в 1629 г. ездил из Нарыма в Томск и обратно. (Кстати, в двух редакциях Сибирского летописного свода «ставивший» Красноярск тобольский атаман Иван Федоров сын называется то Астраханцем, то Астраханцевым) (Миллер 2000: 408, 412, 413, 419, 420, 479, ср. 740; /Найденов/1885: 7; ПСРЛ

1987: 148, 371; Русская историческая библиотека 1884: 342, 343, 414, 423). Ведь Ивана Астраханцева – вологжанина по происхождению[5] – из Сургута перевели в Томск, где позднее в казаках числились и внуки первых жителей этих городов Семена и Омельки Астраханцевых (Бояршинова 1979: 16; Томск в XVII веке 1911: 63, 132, и др.), один из которых достиг в служилой иерархии заметного места. Кстати, в 1618–1627/28 гг. в рядах березовского гарнизона находился Исаак Астраханец (Малов 2015: 167, 169; Березово 2008: 88)[6].

Уже с конца XVI в. в состав сургутского гарнизона входила «литва». М. Осипов доставил в Сургут отписку знаменитого боярина князя М.В. Скопина-Шуйского. С точки зрения И.Р. Соколовского, Я. Плешевский принадлежал к енисейским литвинам. Известно, однако, что в 1625/26 г. Плешевский нес службу в Сургуте (наряду еще с одним литвином Я. Шпаковским), а в Енисейском остроге являлся годовальщиком (Древний город 1994: 125; Обозрение 1895: 120; Соколовский 2004: 118; Ульянова 2006: 11).

Приведенные сведения, как видно, позволяют точнее, чем ранее, представить судьбы сыгравших значительную роль в закреплении за Россией новых сибирских «землиц» первых служилых людей Березова и Сургута.

Литература

Акишин М.О. 1994. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям. XVII–XVIII в. // Уральский исторический вестник 1, 121–132.

Александров В.А. 1964. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). Москва: Наука.

Александров В.А., Покровский Н.Н. 1991. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, СО.

Березово (Очерки истории с древности до наших дней). 2008. Екатеринбург: Сократ.

[5] О.В. Внукова неверно назвала его волжанином (Внукова 2002: 82, и др.).

[6] Такое прозвище, кстати, имел один из атаманов времени московской Смуты (см.: Станиславский 1990: 108).

Бояршинова З.Я. 1979. Основание русского города на Томи (к 375-летию г. Томска) // Томску – 375 лет: Сб. статей. Томск: Томский государственный университет, 11–20.

Бродников А.А. 2009. Борьба за чин атамана в енисейском гарнизоне в 30-е годы XVII в. // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: Мат-лы регион. науч. конф.: 21 декабря 2008 г.: г. Новосибирск. Новосибирск: б. и., 122–127.

Бродников А.А. 2003. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования) // Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. (отв. ред.) Книга и литература в культурном контексте: Сб. науч. ст., посв. 35-летию начала археографической работы в Сибири: 1965–2000. Новосибирск: РИО ГПНТБ СО РАН, 213–227.

Буганов В.И., Корецкий В.И. 1971. Неизвестный Московский летописец XVII века из Музейного собрания ГБЛ // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Вып. 32. Москва: Книга, 127–167.

Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. Вып. 2. 1982. Москва: б. и.

Вершинин Е.В., Шашков А.Т. 2004. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Исаева Т. А. (отв. ред.) Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 10–32.

Веселовский С.Б. 1974. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. Москва: Наука.

Внукова О.В. 2013a. О численности служилого населения в Западной Сибири в конце XVI – начале XVII вв. // Югра, Сибирь, Россия: Политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 20-летию высшего исторического образования в ХМАО-Югре. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 30–33.

Внукова О.В. 2013b. Складывание основных категорий служилого населения Западной Сибири на раннем этапе ее русской колонизации (конец XVI – начало XVII вв.) // Мат-лы регион. науч. конф., посв. памяти проф. Ю.П. Прибыльского: 19 апреля 2013 г. Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 46–51.

Внукова О.В. 2002. Формирование первых сибирских гарнизонов в конце XVI – начале XVII веков // Солодкин Я.Г. (отв. ред.) Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Ч. 1. Нижневартовск: Нижневартовский государственный педагогический институт, 74–86.

Древний город на Оби: История Сургута. 1994. Екатеринбург: Тезис.

Катанаев Г.Е. 1998. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год // Тобольский хронограф. Вып. 3. Екатеринбург: Уральский рабочий, 88–136.

Малов А.В. 2015. Приезды в Москву березовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По данным приходо-расходных книг Казенного приказа) // Кротов П. А. (отв. ред.) Меншиковские чтения 2015: Мат-лы Рос. науч. конф. Вып. 10: Березово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра): 27–28 ноября 2015 г. Санкт-Петербург: XVIII век, 157–184.

Миллер Г.Ф. 1999. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. Москва: Восточная литература РАН.

Миллер Г.Ф. 2000. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. Москва: Восточная литература РАН.

Миллер Г.Ф. 2005. История Сибири. Т. 3. Москва: Восточная литература РАН.

Найденов Н.А. 1885. Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. Москва: Типография Волчанинова.

Никитин Н.И. 1995. Казачество Сургута в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посв. 400-летию г. Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург: НПМП «Волот», 100–115.

Обозрение. Ч. 1. 1895. Москва: Университетская типография.

Обозрение. Ч. 2. Б. г., б. м.: Университетская типография.

Обозрение. Ч. 3. 1900. Москва: б. и.

Обозрение. Ч. 4. 1901. Москва: б. и.

ОИЮ. 2000. Екатеринбург: НПМП «Волот».

Памятники сибирской истории XVIII в.: Кн. 1: 1700–1713. 1882. Санкт-Петербург: б. и.

Перевалов В.А. 2004. Новый источник по истории ясачного налогообложения обских угров в середине XVII в. // Гололобов Е.И. (отв. ред.) Письменные источники по истории Западной Сибири: Сборник научных трудов. Сургут: РИО Сургутского государственного педагогического института, 25–29.

Перевалов В.А. 2003. Три березовских документа XVII в. из РГАДА // Гололобов Е.И. (отв. ред.) Источники по истории Западной Сибири: Мат-лы регион. науч. конф. Сургут: РИО Сургутского государственного педагогического института, 12–15.

Покровский Н.Н. 2006. Сибирское общество XVII – начала XVIII в. по челобитным // Покровский Н.Н. (отв. ред.) Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск: СО РАН, 180–198.

ПСРЛ. Т. 36. 1987. Москва: Наука.

ПССГ. 1996. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Пузанов В.Д. 2011. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут: ООО «Таймер».

Резун Д., Васильевский Р. 1987. Воспитание историей. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. 1989. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство.

Резун Д.Я. 1981. К истории поставления городов и острогов в Сибири // Вилков О.Н. (отв. ред.) Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Наука, СО, 35–57.

Резун Д.Я. 1981. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР: Сер. обществ. наук. № 11. Вып. 3, 17–20.

Резун Д.Я. 1997. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII–XX вв. // Алисов Д.А. (отв. ред.) Городская культура Сибири: история и современность. Омск: Омский государственный университет, 16–31.

Резун Д.Я. Предисловие. 1996 // ПССГ. Новосибирск: Сибирский хронограф, 9–35.

Резун Д.Я. 1993. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных: К 100-летию города Новосибирска. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство.

Русская историческая библиотека. Т. 8. 1884. Санкт-Петербург: Типография Ф. Г. Елеонского и К°.

Скрынников Р.Г. 1986. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Наука, СО.

Скульмовский Д.О. 2008. Томская разборная книга 1680–1681 гг. как источник по ранней истории сургутского казачества // Солодкин Я.Г. (отв. ред.). Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 3. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 15–24.

Соколовский И.Р. 2004. Резун Д.Я. (отв. ред.) Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск: Институт истории СО РАН.

Солодкин Я.Г. 2002. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Прищепа А.И. (отв. ред.) Очерки истории Сургута. Сургут: Диорит, 25–35.

Солодкин Я.Г. 2015. Из Пелыма в Сургут (О судьбе станицы атамана Т. Иванова) // Вестн. Сургутского гос. ун-та. Вып. 4 (10): Исторические науки и археология, 10–13.

Солодкин Я.Г. 2016. К реконструкции состава служилых «миров» Березова и Сургута в конце XVI – начале XVII в. // Алексеева Л.В.

(отв. ред.) Пять столетий Югры: Проблемы и решения: Итоги и перспективы: Коллективная монография. Ч. 6. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 20–32.

Станиславский А.Л. 1990. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. Москва: Мысль.

Томск в XVII веке: Материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями приват-доцента П.М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. Санкт-Петербург: Посмертное изд. В.А. Горохова, 1911.

Тяпкина О.А. 2001. Северные города Западной Сибири во второй половине XIX в. // Скубневский В.А. (отв. ред.) Города Сибири XVIII – начала XX в.: Сб. науч. ст. Барнаул: Алтайский государственный университет, 65–97.

Ульянова А.Е. 2004. Сургутское казачество в конце XVI – начале XVIII вв. // Северный регион: наука, образование, культура 1 (9), 47–54.

Ульянова А.Е. 2007. Структура сургутского казачьего гарнизона и его материальное обеспечение в конце XVI – XVII вв. // Солодкин Я.Г. (отв. ред.) Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории. Вып. 2. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 18–31.

Ульянова А.Е. 2006. Сургутское казачество в конце XVI – XVII вв.: численность, состав, материальное обеспечение // Прищепа А.И. (отв. ред.) Актуальные проблемы истории Западной Сибири: Сургут: Сургутский государственный университет, 10–19.

Ульянова А.Е. 2005. Функции сургутских казаков в конце XVI – XVII вв. // Солодкин Я.Г. (отв. ред.) Проблемы истории Сибири XVI–XX вв. Вып. 1. Нижневартовск: Нижневартовский государственный педагогический институт, 46–64.

Список сокращений

Обозрение – Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин

ОИЮ – Очерки истории Югры

ПССГ – Резун Д.Я. (отв. ред.) Первое столетие сибирских городов: XVII век (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7)

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

СО – Сибирское отделение

Глава 2

УДК 93/94

К РЕКОНСТУКЦИИ СОСТАВА БЕРЕЗОВСКОГО КАЗАЧЕСТВА КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII вв.

Аннотация. В работе на основании максимально широкого круга источников, наиболее важными из которых являются приходо-расходные книги Казенного приказа за 1613–1619 гг. и окладная книга Березова 1627/28 г., определяется состав местного казачьего «войска» раннего этапа его истории, когда березовским служилым людям принадлежала существенная роль в колонизации севера Западной Сибири.

Ключевые слова: Березов; гарнизон Березова в конце XVI – первой трети XVII вв.; источники по ранней истории березовского казачества, его состав, атаманы, казаки.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 17-11-86004

В историографии уже ставилась такая исследовательская задача, как реконструкция состава гарнизона «Березова города» первых лет его существования (Березово 2008: 81–82; ср. Малов 2015: 159). Недавно введенные в научный оборот данные из приходо-расходных книг Казенного приказа за 1613–1619 гг.[7] наряду с первой среди сохранившихся окладных книг Березова (1627/28 г.) и другими источниками позволяют приступить к решению этой задачи.

По данным, приведенным в статье А.В. Малова, в первые годы царствования Михаила Федоровича на Казенном дворе были пожалованы 65 березовцев (6 из них являлись тогда мангазейскими годовальщиками[8]) и еще 10 служилых либо из Березова, либо

[7] Заметим, что при этом не была учтена давняя работа К.Б. Газенвинкеля (Газенвинкель 1893).

[8] Со времени основания Мангазеи десятки березовцев наряду с тоболяками несли временную службу в этом остроге, затем городе, иногда затягивавшуюся на несколько лет (см.: Пузанов 2011: 116–117, 119; Пузанов 2014: 29, и др.).

из Тобольска[9]. В число последних исследователь включил И. Аргунова, на протяжении нескольких десятилетий являвшегося, как широко известно, березовским атаманом (Березово 2008: 85; Вершинин 2000: 271–272; Миллер 1999: 400; Миллер 2000: 240; ОИЮ 2000: 203–204), десятника А. Афанасьева, который в 1598 г. был тобольским пешим казаком (Корецкий 1973: 50; Обозрение 1901: 133, 134)[10], И. Лукьянова, в 1637 г. служившего, причем едва ли не со времени ее основания, в столице «русской» Сибири (Никитин 2012: 229–231)[11], И. Торлопова, в 1626 г. входившего в число березовских казаков (РИБ 1884: 382)[12], Ф. Ананьина, И. Аникеева, И. Дядю, И. Торлопова, О. Федорова, С. Фофанова, в 1626 и 1627/28 гг. числившихся в рядах березовского гарнизона (Березово 2008: 79, 85–87; РИБ 1884: 382)[13]. 28 березовцев,

[9] С точки зрения А.В. Малова, за формулировкой «сибирский приезд» в записях о таких пожалованиях 1613–1619 гг. предположительно скрывались доставка «пушной валюты» в Москву и дипломатические миссии к правителям Бухары, Монголии и Китая (Малов 2015: 159, 161). Но служилые из городов и острогов восточной окраины России подобно, к примеру, тюменцу Б. Малышеву (Миллер 2000: 617, ср. 178), могли привозить в столицу и документы («сметные списки», отписки и т.п.).

[10] В работах Н.Н. Оглоблина и В.И. Корецкого Афанасьев именуется Ольгозей, у А.В. Малова – Алгазой. За 1525 г., кстати, сохранилось упоминание о гороховецком крестьянине Алгазе Антонове Костюхине (см.: Веселовский 1974: 12).

[11] А.В. Малов отнес к служилым Березова или Тобольска и Копоса Григорьева, приезжавшего в Москву в 1617 г. (Малов 2015: 167, 177). Этот литвин, согласно ряду документов, являлся березовцем (см., напр.: Березово 2008: 68, 85; Бродников 1994: 7; ПССГ 1996: 88).

[12] А.В. Малов даже не исключает, что И. Торлопов не только «годовал» в Мангазее, но и постоянно служил там в стрельцах (Малов 2015: 167, 179).

Согласно словарю В.И. Даля, торлоп – это шуба, женское нарядное верхнее платье.

[13] Ш. Симонов, который значится в одном из составленных А.В. Маловым регестов, в 1626 г. был стрелецким пятидесятником в Мангазее. Ф. Ананьин, пожалованный в Москве в декабре 1617 г., нес службу в Березове 30 лет спустя, хотя не исключено, что в 1647 г. березовским пятидесятником являлся сын или другой родственник бывшего рядового казака. С. Фофанов еще в 1643 г. упоминается как пятидесятник

награжденных в «царствующем граде» в течение 1613–1619 гг., упоминаются и в окладной книге 1627/28 г.: Р. Андреев, М. Алексеев, И. Аргунов, И. Бобарыкин[14], А. Гаврилов[15], С. Данилов, В. Деев[16], У. Дулов, В. и С. Ивановы, И. Астраханец, М. Васильев, М. Кашмылов[17], Ф. Кокушкин, И. Лихачев[18], Т. Лукьянов, А., И. и Я. Никифоровы, А. Пахомов, И. Рунов, Т. Семенов, И. Смагин, С. Спиридонов, С. Федосеев, Т. и Я. Фроловы, В. Юрьев[19] (Березово 2008: 85–88, ср. 79, 81; Малов 2015: 164–177). (Обратим внимание на то, что из числа березовских

в гарнизоне заложенного полувеком прежде города (см.: Березово 2008: 79; ОКМ 2004: 25, 123–125).

[14] Последний являлся атаманом и осенью 1616 г., когда «годовал» в Мангазее, и в 1626–1628 гг. (см.: Березово 2008: 85; ОКМ 2004: 110; Малов 2015: 166, 169; РИБ 1884: 363, 366, 373–376, 379, 382).

[15] Известно, что в 1609–1610 гг. он нес «годовую» службу в Мангазее (см.: Миллер 2000: 253, 254, 260).

[16] Служивший в Березове еще в 1601 г., этот казак между 1616 и 1619 гг. стал там десятником (см.: Березово 2008: 85; Малов 2015: 164, 165, 168, 170; Солодкин 2006: 14, и др.).

[17] Утверждение, будто вскоре после воцарения Михаила Федоровича Кашмылов (его М.И. Белов отчего-то назвал Микулой Кашлымовым) ездил в Москву «челобитовать о “перемене” и государевом жалованье за … службу» 1607 г. (когда был отправлен с другими донцами «на подмогу местному гарнизону во время восстания “иноземцев”») (Белов 1969: 46; Березово 2008: 81), должно считаться произвольным. К тому же М. Кашмылов, накануне объясачивший тундровых ненцев на Нижней Тунгуске, еще в 1608 г. привез из Москвы грамоту «на Верхотурье» (см.: Солодкин 2016: 22).

[18] Заметим, что Е.В. Вершинин, указывая на то, что И. Лихачев – родоначальник фамилии местных детей боярских, затем дворян – служил в Березове еще в конце XVI в., ссылался на царскую грамоту от 10 января 1608 г., где этот казак вместе с 8 другими упомянут как пожалованный в Москве «за городовое дело» предыдущего года (см.: Вершинин 2000: 272–273; ОИЮ 2000: 204–205).

[19] Он служил в Березове по меньшей мере с 1607 до 1638 г., одно время был приказчиком туринских пашенных крестьян (см.: Миллер 2000: 240; ПССГ 1996: 88; Покровский 2006: 189).

М. Алексеев и Я. Фролов значатся среди березовских казаков в одном документе 1626 г. (РИБ 1884: 382).

казаков, побывавших в Москве в 1613–1619 гг., дважды были пожалованы – иногда с перерывом в несколько дней, а то и трех лет – Р. Андреев, Ж. Борисов[20], А. Гаврилов, В. Деев, В. Алферьев[21], М. Кашмылов, Б. Кокоулин[22], Ж. Михайлов, Н. Лопухин, И. Никифоров, Т. Семенов[23], П. Яковлев[24], а Г. Чеглоков – трижды (Малов 2015: 164–176)). Среди награжденных по воле нового московского самодержца оказались восемь Ивановых[25], четыре Никифоровых[26], трое Андреевых, Кузьминых, Семеновых, двое

[20] По допущению Ю.М. Эскина, березовцем являлся казак Поспел Борисов – мангазейский годовальщик, служивший в 1607 г. «на тундре … на Енисее» (Эскин 1986: 52. Примеч. п).

[21] В окладной книге Березова за 1627/28 г. значится Трифон Васильев Алферьев – видимо, сын казака, пожалованного в столице 6 марта и 28 сентября 1616 г. (Березово 2008: 86; Малов 2015: 166, 169).

[22] В 1640-х гг. он являлся березовским атаманом (см.: ОИЮ 2000: 166, 204).

[23] В 1636 г. (когда в Березове оставалось всего 9 казаков, живших там «исстари») Трофим Семенов (который был пожалован на Казенном дворе в 1614 г. и три года спустя, а также упомянут в окладной книге 1627/28 г. (Березово 2008: 85; Малов 2015: 165, 166, 174)), будучи в Тобольске, сообщил местным властям о времени и обстоятельствах возникновения Березова (ПССГ 1996: 74; Солодкин 2006: 13). Кстати, некоторые историки относят Т. Семенова к тобольским казакам (см.: Пузанов 2011: 114; Пузанов 2014: 26; Сергеев 1960: 118; Скульмовский 2007: 40).

[24] Первой Яковлев, который в 1621 г. вместе с Трофимом Ивановым сообщил в Москве о времени основания Березова и его последующей осаде «иноземцами», через 30 лет являлся уже березовским сыном боярским (см.: Березово 2008: 68; Вершинин, Шашков 2004: 15; ОКМ 2004: 36).

[25] Помимо них, среди березовских казаков первой четверти XVII в. известны также Нестор и Трофим Ивановы (см.: Белов 1969: 46; Березово 2008: 68, и др.). Кстати, Поспела Иванова, награжденного в конце 1617 г. «за сибирский приезд», вместе с его однофамильцем, если не родственником, Михаилом обвиняли в разграблении остяцких захоронений десятилетием прежде (см.: Малов 2015: 167, 171; РИБ 1875: 213–215).

[26] Один из них (Антип) в 1608 г. побывал в Москве в челобитчиках вместе с Меньшим Ивановым, пожалованным в столице подобно другим березовцам в 1619 г. Среди последних, кстати, находился

Даниловых, столько же Михайловых, Фроловых и Юрьевых[27]. Видимо, как минимум некоторые из упомянутых березовских казаков, носивших одну и ту же фамилию, приходились друг другу родственниками.

Кроме того, среди пожалованных в 1619 г. на Казенном дворе[28] упоминается березовец Т. Елизарьев, накануне являвшийся «годовальщиком» в Мангазее (Малов 2015: 168, 171). Получивший награду в феврале 1614 г. березовский казак Смирка (Смирной) Иванов (который значится в окладной книге 1627/28 г.) вскоре после возвращения из Москвы тоже стал мангазейским «годовальщиком» (он собрал ясак в «самоедском» Орловом городке). В 1633 г. нес службу у Обской губы и березовский казак Тихон Фролов, пожалованный в Москве в начале 1617 г. (Березово 2008: 79, 85, 87; Малов 2015: 165, 166, 171, 175; Миллер 2000: 30, 470).

В книге выдачи денежного жалования березовцам за 1627/28 г. («по окладам их сполна») значится шесть Ивановых, шесть

И. Нестульцев, который еще в 1607 г. нес «годовую» службу в Обдорском (Носовом) городке (см.: Малов 2015: 171, 173; Миллер 2000: 234, 240).

Заметим также, что в 1608 г. казак из Березова Богдан Телицын посылался «вверх по Енисею для государева ясаку», а через два десятилетия в гарнизоне этого города числился Максим Телицын (см.: Акты 2002: 226; Березово 2008: 87; Эскин 1986: 46, 51).

[27] В числе березовцев, которые в 1617 г. очутились в Москве, находился Иван Кольцов (Малов 2015: 167, 172). Это обстоятельство, между прочим, заставляет скептически отнестись к мнению (Бродников 2008: 167) о том, что красноярский атаман Иван Кольцо был сыном одного из ближайших соратников Ермака. (С.В. Бахрушин, кстати, предполагал, что сибирские служилые люди Кольцовы были потомками «ермакова атамана» (см.: Миллер 2000: 686)).

[28] В грамоте от 10 января 1608 г. говорится о 9 березовских служилых людях, бывших «на Москве в челобитчикех». Видимо, они приехали в «царствующий град» не только с просьбой пожаловать всех 314 служилых «за городовое дело» (они во время двухмесячной осады Березова «около города ров копали, и во рву острог ставили, и город крепили», да и «многих изменников переимали»), которая была удовлетворена (Миллер 2000: 240), но и доставили в столицу «ясачную казну».

Мещеряков (Мещеряковых)[29], пять Федоровых, по четыре Кокоулиных, Кузнецов, Серебряников и Фроловых, по трое Ангрышевых, Васильевых, Григорьевых[30], Даниловых, Елизарьевых, Канкаровых, Комаровых, Курсиных, Лопухиных, Максимовых, Немчиновых, Оверкиевых, Сапожников, Степановых, Торлоповых, по двое Алексеевых, Ананьиных, Андреевых, Анисимовых[31], Аргуновых[32], Артемьевых, Богдановых, Болотовых, Дмитриевых, Ждановых, Кобелевых, Котелников, Ла(я)теевых, Лошкиных, Лукьяновых, Максимовых, Нарымцев, Никифоровых, Оболтиных, Пановых, Поповых, Поспеловых, Рябых[33], Семеновых, Секириных, Скорняков, Тучковых, Федосеевых, Фофановых, Шаховых, Юрьевых, Ярославцев, Ярофеевых, а также по одному Пужину и Пужникову, Березе и Березину.

В отписке кетского воеводы Г.Ф. Елизарова в Москву за 1611 г. (не ранее 4 декабря) упоминается мангазейский годовальщик Якушка Щетинин, «воровски» собравший ясак с остяков, проживавших по берегам Каса, Сыма и Енисея. Этот казак, точнее, десятник, значится в березовской «именной книге» 1627/28 г. (Березово 2008: 85; Миллер 2000: 260).

---

[29] В 1622/23 г. в березовском гарнизоне числись четыре Мещеряка и один Мещеринов (см.: Русское старожильческое население 2007: 353, 355, 357, ср. 433).

[30] За 1603/04 г. сохранилось упоминание о березовце Кирилле Григорьеве по прозвищу Смирнов (точнее, Смирной). Он и Василий Григорьев служили в Березове в 1626 г. Десятилетием прежде столичными властями был пожалован приехавший оттуда Терентий Григорьев (см.: Клитина 1975: 59; Малов 2015: 166, 170; РИБ 1884: 382).

[31] Известно также, что М. Анисимова перевели из Березова в Томск (см.: Березово 2008: 82).

[32] Среди десятков березовцев, переведенных в начале XVII столетия в Томск, были, между прочим, дед И.К. Аргунова и Т.Г. Серебряников (см., напр.: Березово 2008: 82, 83).

[33] Это Степан и Осип Никитины дети. Кстати, березовский служилый Иван Рябой (порой в литературе он называется Рябовым) в 1607 г. во главе отряда кодских остяков посылался против «изменников» «на Обдор» (см.: Березово 2008: 69, 85, 86; Вершинин, Шашков 2004: 24, 27–28).

Примечательно, что в 1619 г. мангазейский годовальщик А. Тутолмин[34], бывший тремя годами прежде березовским казаком, являлся уже сыном боярским (Малов 2015: 163, 165, 168, 175). Отметим и то, что в 1617 г. среди казаков Березова состоял Давыд Родюков, а его однофамилец, если не родственник, Ортюшка (т.е. Артемий) служил в Сургуте в первой трети XVII в. (Александров 1964: 35–36; Миллер 2000: 281, 282; ПССГ 1996: 61)[35].

Многие упомянутые атаманы и казаки (Аргунов, Бобарыкин, Кокоулин, Телицын, Курсин, Лихачев, Торлопов, Серебряников, Нестульцев, Ярославцев, Гаврилов, Юрьев, Канкаров) стали основателями служилых «династий», выходцы из которых встречались в Березове и в середине XVII – начале XVIII вв. (Березово 2008: 111, 115–117, ср. 181; ОКМ 2004: 45–46, 50, 55, 61, 63, 121, 123–125, и др.).

Итак, в составе березовского гарнизона, численность которого в рассматриваемый период оставалась практически неизменной (около 300 служилых людей (ОИЮ 2000: 124, 187, 202; ПССГ 1996: 55; Пузанов 2011: 109, 114, 121; Сергеев 1960: 118, и др.)), тогда начинают складываться казачьи семьи, представители которых зачастую выполняли наиболее ответственные военные, административные и судебные функции в самом обширном в ту пору уезде «русской» Сибири.

[34] Он под началом атамана Я. Чермного участвовал еще в первой экспедиции березовских служилых «в Мангазею и Енисею» в 1600 г. (см.: Солодкин 2016: 22).

[35] В 1628 г. в десятниках томских пеших казаков служил Федор Родюков; за 1620–1630-е гг. известен его однофамилец, если не родственник, енисейский десятник Семен Родюков (Миллер 2000: 441; Миллер 2005: 66, 141, 156, 157, 163, 165, 226, 227, 229; РИБ 1884: 539, 540; ср.: ПССГ 1996: 107). Кстати, в начале «бунташного века» Сургуте пятидесятником, затем атаманом «литвы» и черкас был Терентий Деев (Солодкин 2002: 26, 28, 29), иногда безосновательно причислявшийся (Резун 1993: 55) к первостроителям этого города. Не приходился ли Терентий («Тренька») родственником знакомому нам Василию Дееву?

Литература

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 3. 2002. Москва: Древлехранилище.

Александров В.А. 1964. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). Москва: Наука.

Белов М.И. 1969. Мангазея. Ленинград: Гидрометеоиздат.

Березово (Очерки истории с древности до наших дней). 2008. Екатеринбург: Сократ.

Бродников А. 2008. Труды и дни зауральского центра // Тобольск и вся Сибирь. № 10: Триста лет учреждения Сибирской губернии. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 159–171.

Бродников А.А. 1994. Отписка П.П. Головина и М.Б. Глебова в Сибирский приказ (К вопросу об образовании Якутского воеводства) // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв.: Бахрушинские чтения 1994 г. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 3–10.

Вершинин Е.В. 2000. Русские старожилы Березова (XVII–XVIII вв.) // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск: ОмГПУ, 271–274.

Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Исаева Т.А. (отв. ред.) Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 10–32.

Веселовский С.Б. 1974. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. Москва: Наука.

Газенвинкель К. 1893. Расходная книга товарам и вещам Казенного приказа за 122 г. (1613–1614 гг.) (К вопросу о государевом жаловании послужникам сибирским). Б. м., б. и.

Клитина Е.Н. 1975. Сибиряки по вкладным книгам Троице-Сергиева монастыря // Вопросы истории книжной культуры. Вып. 19. Новосибирск: б. и., 58–63.

Корецкий В.И. 1973. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI – начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма): Сб. ст. памяти чл.-кор. АН СССР В.И. Шункова. Москва: Наука, 37–59.

Малов А.В. 2015. Приезды в Москву березовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По данным приходо-расходных книг Казенного приказа) // Кротов П. А. (отв. ред.) Меншиковские

чтения 2015: Мат-лы Рос. науч. конф. Вып. 10: Березово (ХМАО-Югра): 27–28 ноября 2015 г. Санкт-Петербург: XVIII век, 157–184.

Миллер Г.Ф. 1999. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. Москва: Восточная литература РАН.

Миллер Г.Ф. 2000. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. Москва: Восточная литература РАН.

Никитин Н.И. 2012. О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа) // Рогожин Н.М. (отв. ред.) Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): К 80-летию чл.-кор. РАН В.И. Буганова. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 224–231.

Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 4 / Сост. Н.Н. Оглоблин. 1901. Москва: б. и.

ОИЮ. 2000. Екатеринбург: НПМП «Волот».

ОКМ. 2004. Екатеринбург: Тезис.

ПССГ. 1996. Новосибирск, Сибирский хронограф (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).

Покровский Н.Н. 2006. Сибирское общество XVII – начала XVIII в. по челобитным // Покровский Н.Н. (отв. ред.) Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск: СО РАН, 180–198.

Пузанов В.Д. 2014. Березовский уезд: государство и служилые люди // Алексеева Л.В. (отв. ред.) ПСЮ. Ч. IV. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 20–37.

Пузанов В.Д. 2011. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут: Таймер.

Резун Д.Я. 1993. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство.

РИБ. Т. 2. 1875. Санкт-Петербург: Типография братьев Пантелеевых.

РИБ. Т. 8. 1884. Санкт-Петербург: Типография Ф.Г. Еленского и К°.

Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. 2007. Москва: Галерея.

Скульмовский Д.О. 2007. К истории формирования сибирских гарнизонов (конец XVI – начало XVII вв.) // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 9. Тюмень: Мандр и К°, 39–48.

Солодкин Я.Г. 2016. К реконструкции состава служилых «миров» Березова и Сургута в конце XVI – начале XVII в. // Алексеева Л.В. (отв. ред.) ПСЮ. Ч. VI. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 20–32.

Солодкин Я.Г. 2006. Служилые люди Березова на рубеже XVI–XVII веков: численность, состав, функции // Катанаевские чтения: Мат-лы VI Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 23–24 мая 2006 г.). Омск: Издательский дом «Наука», 13–17.

Солодкин Я.Г. 2002. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Прищепа А.И. (отв. ред.) Очерки истории Сургута. Сургут: Диорит, 25–35.

Эскин Ю.М. 1986. Документы о Мангазее в Смутное время // Покровский Н.Н. (отв. ред.) Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, СО, 44–54.

Список сокращений

ОИЮ – Очерки истории Югры

ОКМ – Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сборник документов

ПССГ – Первое столетие сибирских городов: XVII век

ПСЮ – Пять столетий Югры: Проблемы и решения: Итоги и перспективы: Коллективная монография

РИБ – Русская историческая библиотека

Глава 3

УДК 93/94

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА В ДРУГУЮ ЦЕРКОВЬ ДУХОВНЫХ ЛИЦ В XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ЦЕРКВЕЙ БЕРЕЗОВСКОГО ОКРУГА)

Аннотация. В главе раскрываются особенности кадровых перестановок РПЦ в Березовском округе. Рассматриваются документы, сопровождавшие процесс перевода духовных лиц в другую церковь в Тобольской епархии, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области в г. Тобольске. Архивные материалы, в том числе отражающие состав дел Тобольской духовной консистории о таком переводе, дают возможность выявить причины и проследить процедуру перемещения лиц духовного ведомства.

Ключевые слова: кадровое делопроизводство; Русская Православная церковь; Тобольская епархия; Тобольская духовная консистория; Березовский округ; Березовское духовное правление; приходские церкви; лица духовного ведомства; перевод в другую церковь.

В Русской Православной церкви, как и в других ведомствах Российской империи, сложились процедуры кадровой перестановки. В частности, дела о перемещении духовных лиц из одной церкви в другую вела Тобольская духовная консистория (далее – ТДК). Архивные материалы позволяют проследить состав этих дел, определить их особенности и схожие черты.

В ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» в фонде 156 «Тобольская духовная консистория» нами обнаружено несколько относящихся к Березовскому округу дел о переводе духовных лиц из одной церкви в другую; все сохранившиеся дела относятся к XIX в.

Первое среди них – «Дело о переводе священника Сретенской церкви села Ашлыкского Тобольского Подгородного уезда И. Лепехина в Петропавловскую церковь села Березовского» 1814 г. (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1119. Л. 1–4).

Инициативным документом указанного дела явилось «всенижайшее» прошение от «уволенного от служения священника Якова Лепехина от 20 декабря 1814 г.: «По просьбе, поданной от меня сего 1814-го года уволен я ВАШИМ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВОМ от исправления священнослужения за старостью лет и болезненными припадками … с определением на мое место зятя моего священника Якова Рещипова[36], который поступив на мое место и содержал меня с женою моей на своем пропитании, но как оной священник Рещипов текущего года июня 19-го дня от зарезания татарином помер, оставив после себя жену, одного сына и двух дочерей, которые неоткуда теперь не имеют пропитания, так как и я с женой своей: почему и нахожусь в необходимости всенижайшее просить Ваше Высокопреосвященство о переводе в означенное Березовское село к Петропавловской церкви местным священником зятя ж моего родного Подгородного Ашлятского села Сретенской церкви священника Ивана Лепехина, который призрит как меня с женой равно и оставшихся после зятя моего священника Рещипова сирот; о сем учинит милостивейшую архипастырскую резолюцию. К сему прошению уволенный Березовского села Яков Лепехин руку приложил». Последние два слова, которые в то время служили подписью, написаны иным почерком, из чего следует, что рапорт был написан другим лицом. На рапорте записана резолюция архиепископа 28 декабря 1814 г.: «Ашлятского села свещенник Яков Лепехин переводить в Березовское село местным священником» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1119. Л. 1–1 об.).

Зять Якова Лепехина Иван составил обязательство о том, что он обещает тестю позаботиться о его семье, если его примут на службу в Петропавловскую церковь: «1814-го года декабря 15-го дня, я, ниже подписавшийся даю сие обязательство, Тобольского Подгородного Березовского села священнику Якову Лепехину, моему тестю, с тем, что ежели воспоследует благоволение от Его Высокопреосвящества на определение меня в то Березовское село к Петропавловской церкви местным священником, пропитывать как его священника с женою его, равно и сиротствующее семейство, оставшееся после покойного священника Якова Рещипова

[36] Фамилия написана неразборчиво, возможно «Рещикова».

в чем и подписуюсь Ашлятской слободы Сретенской церкви священник Иван Лепехин» (Л. 2).

Следующий документ в деле – обязательство от 20 декабря 1814 г. 27 прихожан разных населенных мест Березовского прихода Петропавловской церкви. Обязательство заключалось в том, что прихожане, прослышав от Якова Лепехина, что его зять, находящийся в Ашлятской слободе при Сретенской церкви, намеревается поступить на место уволенного Якова Лепехина священником, согласны с этим решением (Л. 3). В приговоре 32 человека Бегишевской волости согласились принять священника Ивана Лепехина. На документе имеются печати старосты, волостного правления и еще одна (неразборчивая). Данный приговор был записан в книгу волостного правления 20 декабря 1814 г. (Л. 3 об.). Далее следует приказ ТДК от 30 декабря 1814 г. священнику Ивану Лепехину дать переходной указ, который он должен был передать благочинному подгорных церквей протоиерею Земляницкому, указ благочинному и Ивану Лепехину 25 декабря 1814 г., записанные в журнал под номерами 212 и 213 (Л. 4). Дело было решено за несколько дней.

Второе «Дело по прошению священника Березовской городской Богородице-Рождественской церкви А. Таркова о переводе его в Сургутскую городскую Троицкую церковь» относится к 1815 г. (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1655. Л. 1–13).

Дело было заведено по «покорнейшему прошению» 1 июня 1815 г. иерея Богородице-Рождественской церкви г. Березово Андрея Таркова: «Небезъизвестно оной Консистории, что я по окончании курса определен к Градо-Березовской Богородицерождественской церкви священником, но не имея родных, вступление мое в брак и проезд до Березова вверг меня в немалое задолжение. Находясь же в Березове пятый год, и по малолюдному моему приходу и потому, что оного большая половина в уезде вся из остяков, коих я языка не знаю, и потому не могу исполнять у них должностей, возложенных на меня настоящим моим саном и им быть полезным. 2-е, в городе, составляющем большую часть значительно из казаков, отказывающих в даче мне помощи по малому своему жалованью и провианту, недостаточному даже на продовольствие своих семейств. А хотя и есть из них четыре или пять домов, но никак не могут меня содержать. Они вместе

с небольшим числом домов мещанских, снабжая меня только переменною ежегодно квартирой. Каковые обстоятельства не только привели меня в невозможность к уплате первоначальных задолжений, взятых на брак и проезд в Березово, но усугубили мой долг занятием у березовских граждан. И эта тягость задолжений и невозможность, чувствуемая мною к заплате и дальнейшее содержание в Березове, принудили меня покорнейше просить Тобольскую консисторию о перемещении меня в упраздненный город Сургут к двукомплектной Свято-Троицкой церкви на праздную священническую вакансию и учинить о сем милостивейшее благорассмотрение».

Интересно, что данное прошение отличается от других наименованием адресата: вместо архиепископа указана ТДК. Резолюция от 18 июня также отличается от аналогичных своей краткостью: «к докладу» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1655. Л. 2–2 об.). Благочинный предоставил справку, согласно которой проситель проходил службу исправно и не был замечен в «подозрительном» поведении; а по справке ТДК оказалось, что в Свято-Троицкой церкви служит священник Григорий Попов, вакансия протопопа же является свободной (Л. 3).

15 июля ТДК представила доклад архиерею о прошении Андрея Таркова. 19 июля Амвросий в резолюции потребовал объяснить, почему священник считает, что будет иметь более значительное содержание в сургутской церкви, где почти вдвое меньше прихожан (213), чем в березовской (377), в которой он служил (Л. 6–7 об.). 21 июля ТДК приказала послать в Березовское духовное правление (далее – БДП) указ (получен 30 июля), чтобы проситель представил объяснение по данному вопросу (Л. 8).

30 июля 1815 г. в журнале ТДК записано о слушании прошения Андрея Таркова о переводе его на праздную протоиерейскую должность, кроме того, об определении в Сургутское духовное правление первоприсутствующим (в БДП он был второприсутствующим) (Л. 4). БДП получило от ТДК указ с резолюцией архиерея 28 августа, и 1 сентября послало рапорт (доставлен 19 сентября) об объявлении решения архиепископа просителю (Л. 5).

31 августа Андрей Тарков написал объяснение в ТДК (получено 19, слушано 20 сентября): «В силу объявленного мне оной

консистории в Березовском духовном правлении указа от 30 июля сего года и в оном прописанной резолюции его высокопреосвященства требующей объяснить, почему удобнее.., на что покорнейше объясняю. 1-е, что мною в прошении прописано, что я по незнанию остяцкого разговора не могу быть им полезным, поэтому отделяю их из счета моих прихожан, а русских числящихся 152 мужского пола в Сургуте же 213 душ <...> 2-е, Березов к недавним годам претерпел от пожару великий ущерб от чего и доныне занимаются постройкой и при том по частым большим наводнениям вовсе лишились почти скотоводства, а Сургут как не горел по возвышенности места никогда не терпит ни малейшей нужды в продовольствии скотоводства. 3-е, Березов, как харчевыми припасами, так и обувью и платьем довольствует себя округою; Сургут же собственными своими промыслами и от скотоводства, при том же в Березове против Сургута во всем чрезвычайная на все дороговизна. В чем и объявленном по сущей справедливости в том и подписуюсь» (Л. 9). 20 сентября 1815 г. ТДК приказала оформить данное объяснение архиепископу (Л. 10).

2 ноября ТДК подала рапорт Амвросию, в котором изложила суть дела, содержание доклада, справки консистории и объяснения Андрея Таркова. Епископ велел просителю в резолюции от 9 ноября «повременить пока студенты богословия кончат учение» (Л. 11–11 об.). 13 ноября ТДК приказала отправить указ с резолюцией епископа в БДП, что и было сделано 16 ноября (Л. 12). 10 декабря правление получило данное распоряжение, и написало ответный рапорт 15 декабря, который был доставлен в ТДК 26 декабря (Л. 13). Получается, процедура по делу заняла 6,5 месяцев.

Третье «Дело о переводе дьячка Березовской городской Богородицерождественской церкви Ф. Неводчикова в село Новоуковское Ялуторовского ведомства» датировано 1815 г. (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1662. Л. 1–9).

Инициативным документом названного дела является «покорнейшее» прошение Татьяны Петровой, вдовы священника Неводчикова Покровской слободы, архиепископу Амвросию 17 августа 1815 г.: «Я, нижайшая по смерти мужа моего … священника Неводчикова, оставшись одною, без надежды и дневного пропитания, не имея при себе никого, кто бы мог пропитывать меня и покоить болезненную мою старость, день ото дня приближающую

меня к смерти. Хотя я, нижайшая, имею троих сыновей, находящихся при должностях в ведомстве духовном как то: первого Федора в городе Березове, второго Курганского ведомства в Марийской слободе Захара причетниками и третьего Павла в сем году рукоположенного Вашим Высокопреосвященством в священники Тюменского ведомства в Богородское село, за коими смогла бы я следовать, но старость моя и с нею сопряженные болезненные припадки … непреодолимые преграды к выполнению сего; и данность расстояний препятствует им в вспоможении моему, и так я не имея ниоткуда помощи должна претерпевать в сем далее из необходимости крайнее изнурение и величайшую скудость. В сих сколько тягостных столько и бедственных для меня обстоятельствах решилась предстать перед Святительскую Особу Вашего Высокопреосвященства просить Вас милостивейшего моего отца и архипастыря, об уважении со свойственным Вам отеческим милосердием, мои немощи, мое сиротство, мою бедность, и преклонные мои года для пропитания и успокоения моего, перевести большого сына Градо-Березовской Богородицерождественской церкви дьячка Федора Ялуторовского ведомства Новоуковского села ко трих-святительской церкви на праздно состоящую дьячковскую вакансию … дьячком; ближайшее расстояние означенного места от места жительства моего удобно способствовало бы к удовлетворению в полной мере всего для меня необходимого. Ваше Высокопреосвященство! Внемлите всенижайшей просьбы сироты – ожидающей единственно от Архипастырской Особы Вашей помощи. К сему прошению за неумением грамоты вместо вдовы священнической жены Татьяны Неводчиковой Тобольской семинарии студент богословия Стефан Протопопов подписуюсь[37]» (Л. 1).

Епископ ответил на просьбу резолюцией 18 августа 1815 г.: то дело будет рассмотрено только после того, как просительница представит от новоуковских священно- и церковнослужителей и прихожан согласие на принятие ее сына дьячком (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. 1662. Л. 1–1 а). В тот же день ТДК приказала объявить резолюцию Татьяне Петровой. Об ознакомлении с решением

[37] Последнее предложение написано студентом Стефаном, а весь предыдущий текст – служащим ТДК.

архипастыря вместо просительницы подписался ее сын Федор Неводчиков, которому на следующий день был выдан билет (Л. 2).

6 сентября того же года Татьяна Петрова представила требуемый приговор от причта и прихожан при сопроводительном прошении, написанном за нее канцеляристом ТДК Александром Ильиным. Через 2 дня Амвросий своей резолюцией определил ее сына дьячком в церковь Новоуковского села (Л. 3). Далее в деле следует «одобрение» от крестьян и причта названного села от 30 августа (Л. 4–5). 9 сентября ТДК приказала дать переходной указ Федору Неводчикову и известить об этом указами же Березовское и Ялуторовское правления. На следующий день указ был выдан дьячку, а в правления их послали 23 октября (Л. 6). Ялуторовское духовное правление получило документ через 2 дня, и 26 октября составило рапорт о его получении (помета о поступлении в дело в ТДК датирована 29 октября) (Л. 7). В БДП указ поступил позже – 9 ноября, а 18 ноября отправлен рапорт (к делу ТДК приложен 25 ноября) (Л. 8). Разбор дела продолжался три месяца.

Четвертое «Дело по прошению священника Спасской церкви села Шеркальского Березовского ведомства Я. Вологодского об определении его в Кондинский Троицкий монастырь» относится к 1820 г. (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 327. Л. 1–16).

Данное дело было заведено после поступления в ТДК «покорнейшего» прошения отставного иерея Спасской церкви с. Шеркальского Якова Вологодского архиепископу Амвросию от 20 апреля 1820 г.: «Нахожусь я нижайший в отставке от священнослужения по лишению своего зрения с 1818 года. На пропитании у родственников, а того ж года лишился я и жены своей, то по вдовству моему остатки дней желаю окончить в числе братства Кондинского Троицкого монастыря с производством штатного жалованья и провизиона. Того ради Ваше Высокопреосвященство с покорностью прошу да благоволено будет учинить о том Вашего Высокопреосвященства архипастырскую резолюцию. К сему прошению вместо иерея Якова Вологодского его личной просьбой руку приложил». Документ составлял служитель ТДК, а за бывшего священника пономарь Петр Арефьев только поставил подпись, т.е. указал свои должность, имя и фамилию. 4 июня 1820 г. архиерей в резолюции велел, если настоятель монастыря согласен принять просителя, то определить его туда (ГБУТО

ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 327. Л. 1). Кондинскому монастырю был послан об этом указ 15 августа (Л. 1 об.) (рис. 1).

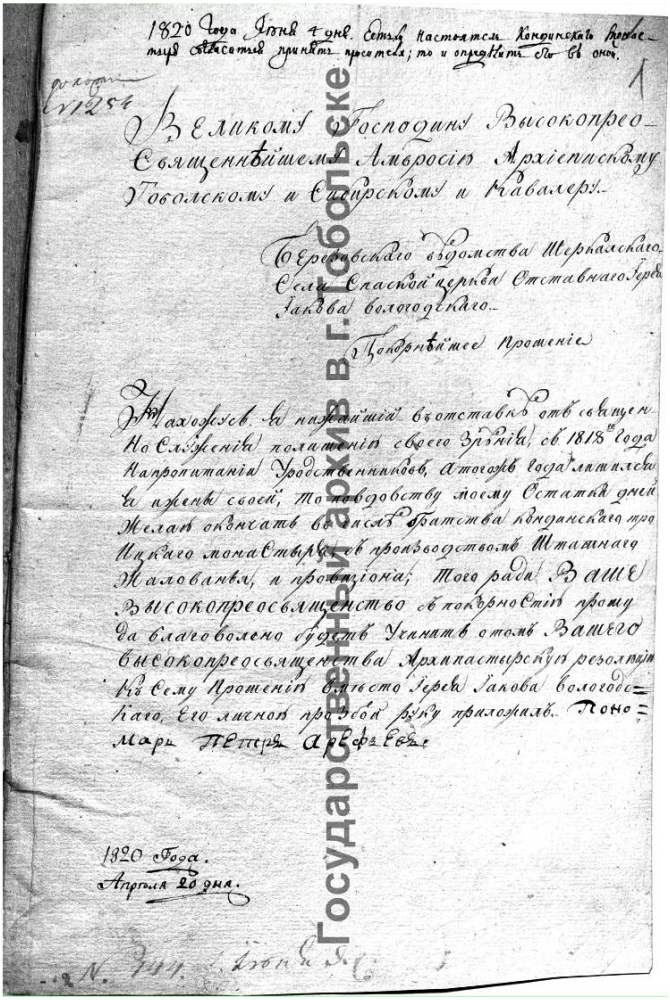


Рис. 1. Прошение отставного иерея Спасской церкви с. Шеркальского Якова Вологодского архиепископу Амвросию от 20 апреля 1820 г.

Государственный архив в г. Тобольске

9 июня ТДК приказала игумену Кондинской обители срочно донести консистории, согласен ли он принять в свой монастырь Якова Вологодского (Л. 2). 10 сентября игумен Филадельф получил указ от 11 августа, оформил рапорт о его получении и согласии принять ослепшего священника с предоставлением жалования и «провизиона» 13 сентября, при этом посоветовав, что удобнее ухаживать за больным будет родственникам. ТДК получила данный документ 6 октября (Л. 3–3 об.), в этот же день переписала в свой журнал его содержание и приказала представить рапорт преосвященному (Л. 4–4 об.). Кроме того, в первых числах ноября (число не указано) ТДК подала рапорт архиерею, в котором изложила суть дела; последний написал резолюцию 9 ноября об определении просителя в Абалакский монастырь «в число больничных» (Л. 5–5 об.). 19 ноября ТДК приказала исполнить резолюцию и послать указы об этом в БДП (рапорт о получении от 10 декабря (Л. 8–8 об.)), в Кондинский (рапорт от 9 декабря (Л. 10)) и Абалакский (рапорт от 16 декабря (Л. 9)) монастыри, что было исполнено 30 ноября (Л. 6–6 об.).

Следующий документ в деле – черновик указа Его Императорского Величества из ТДК настоятелю Абалакского монастыря о решении определить туда Якова Вологодского, с многочисленными исправлениями в тексте. На документе проставлена дата – ноябрь 1820 г., число опять не проставлено ввиду того, что указ впоследствии переписали (Л. 7–7 об.). Отставной священник на решение епископа ответил, что «по слепоте своей и крайнему изнеможению в Абалацкий монастырь быть не может, в чем и придается в волю епархиального начальства», о чем сказано в рапорте игумена Кондинского Троицкого монастыря Филадельфа (Л. 10) (рис. 2).

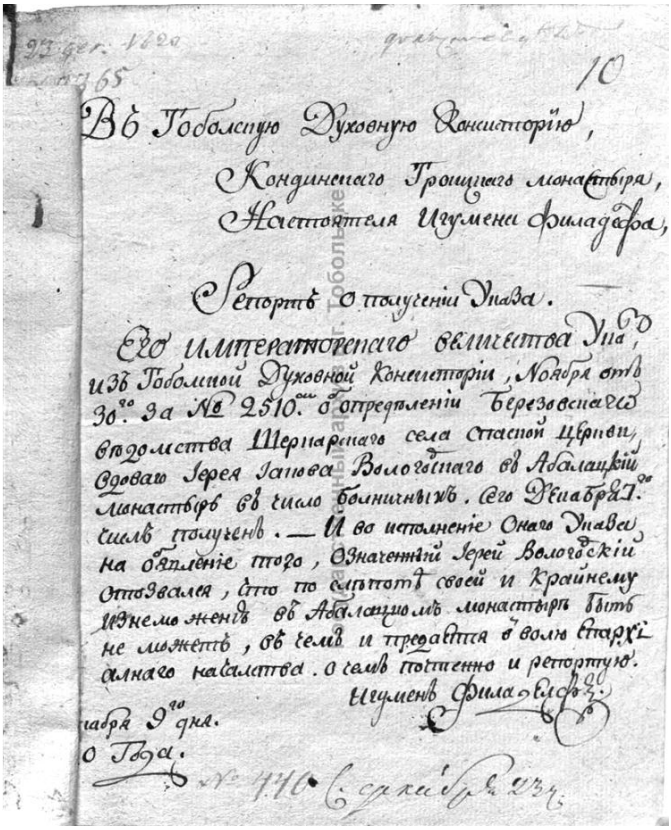


Рис. 2. Рапорт о получении указа игумена Кондинского Троицкого монастыря Филадельфа 1820 г.

23 декабря ТДК приказала доложить о вышеизложенном архиерею (Л. 11–11 об.), который на рапорте за март 1823 г. (число опять же не указано) написал 16 марта резолюцию о том, что если проситель не может поехать ни в один из двух названных монастырей, то оставить его на пропитании у его родственников, и быть на монастырском содержании нет смысла (Л. 12–12 об.). 2 апреля ТДК приказала известить о данном решении БДП и игумена Кондинского монастыря (Л. 13–13 об.). Филадельф получил указ 24 мая, а 27 мая отправил рапорт (в ТДК доставлен 30 июня)

(Л. 14). Указ оказался в БДП позже – 10 июня, а 15 июня копиистом Василием Поповым был составлен рапорт (получен ТДК 20 июня), в котором сообщается о смерти Якова Вологодского (Л. 15). Таким образом, больше года (14 месяцев) длилось разбирательство дела о судьбе священника, и Яков Вологодский так и не дожил до решения вопроса об улучшении условий своего существования.

За 1821 г. известно «дело о переводе священника Николаевской церкви села Чемашевского Березовского ведомства И. Карпова в Березовскую городскую Воскресенскую церковь» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 788. Л. 1–6).

Инициативным документом названного дела стал «покорнейший» рапорт протоиерея Ивана Вергунова из Березовского духовного правления тобольскому архиепископу Амвросию от 16 ноября 1821 г., заслушанный на заседании ТДК 20 декабря 1821 г.: «По данным прошениям сего правления Градоберезовской Воскресенской церкви староста церковный с лучшими прихожанами просил за умертвием приходского их священника Федора Карпова определить к их церкви нового или перевести березовского ведомства Чемашевского села Николаевской церкви священника Илью Карпова; и вместе с этим просили об определении к их же церкви и дьякона. А по справке в правлении оказалось: первое, что при Градоберезовской Воскресенской церкви за умертвием приходского священника Федора Карпова, и диакона Кокоулина, штатные вакансии священнические и диаконовские праздные. Второе, Чемашевского погоста священник Илья Карпов вдов, которой на перемещение в Березов изъявил желание». На рапорте имеется резолюция архипастыря от 4 декабря 1821 г.: «В Чемашевский погост избрать достойного священника, по посвящении которого и по прибытии к своему месту, перевести к Воскресенской церкви Карпова, а ровно и в дьяконы избрать же из тамошних причетников» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 788. Л. 1). 20 декабря 1821 г. ТДК приказала для исполнения данной резолюции направить указ в БДП (Л. 2); указ был послан 10 января, доставлен 9 февраля, а спустя 6 дней был написан рапорт о его получении (Л. 3).

15 июня 1822 г. правление сообщило ТДК, что все причетники Березовского ведомства «одержимы болезненными припадками», и просило предоставить Шеркальной Спасской церкви пономаря

Петра Кожевникова для производства в священники Чемашевской церкви. По ревизским сказкам 27-летний пономарь был «поведения не худого». ТДК заслушала просьбу 24-го сентября и после положительной резолюции Амвросия от 5 июля (Л. 4–4 об.) одобрила ее, на что указано в ее приказе от 13 июня (запись в журнале сделана только 29 сентября) (Л. 5), поступившем в духовное правление 25 июля (Л. 6). Все рапорты духовного правления написаны копиистом Василием Поповым. Производство по делу, стало быть, велось почти год.

Шестое по счету «дело по прошению священника Троицкой церкви села Карасукского Омского ведомства А. Лепехина о переводе его в Петропавловскую церковь села Березовского Тобольского ведомства» приурочено к 1823 г. (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 1679. Л. 1–6).

Данное дело было открыто в ТДК вследствие «покорнейшего» прошения 23 мая 1823 г. Омского ведомства Карасутского села Троицкой церкви священника Андрея Лепехина и Тобольского уезда Березовского села священника Андрея Мисгорева. Резолюция, наложенная 25 мая 1823 г., предписывала переместить просителей, если не будет каких-либо препятствий. «Первый из нас священник Андрей Лепехин сего года апреля 1-го числа рукоположен Вашим Высокопреосвященством в священника Омского ведомства в Карасутское село к Троицкой церкви, куда отправился я, хотя многократно покушался, но во-первых родители, при преклонности лет своих со многими болезными сопряженных, никак не решаются предпринять столь отдаленного пути, и я по сыновней обязанности должен им, при настоящем их положении, оказать всякое вспомоществование, во-вторых даже и то меня приостановило, что дом и скота не мог распродать. Второй священник Андрей Мисгорев, что я по окончании мною семинарского учебного курса находился в городе Тюмени дьяконом, и 1815-го года рукоположен в священника к Березовской Петропавловской церкви, где по бедности прихода претерпевал я в … крайнюю нужду, которая ныне более, по мере умножения моего семейства, увеличивается, и далее к пристойному моему содержанию я не нахожу никаких средств. Почему мы нижайшие осмеливаемся всенижайшее просить Святительскую Особу Вашего Высокопреосвященства перевести нас по вышепоказанным причинам одного на место

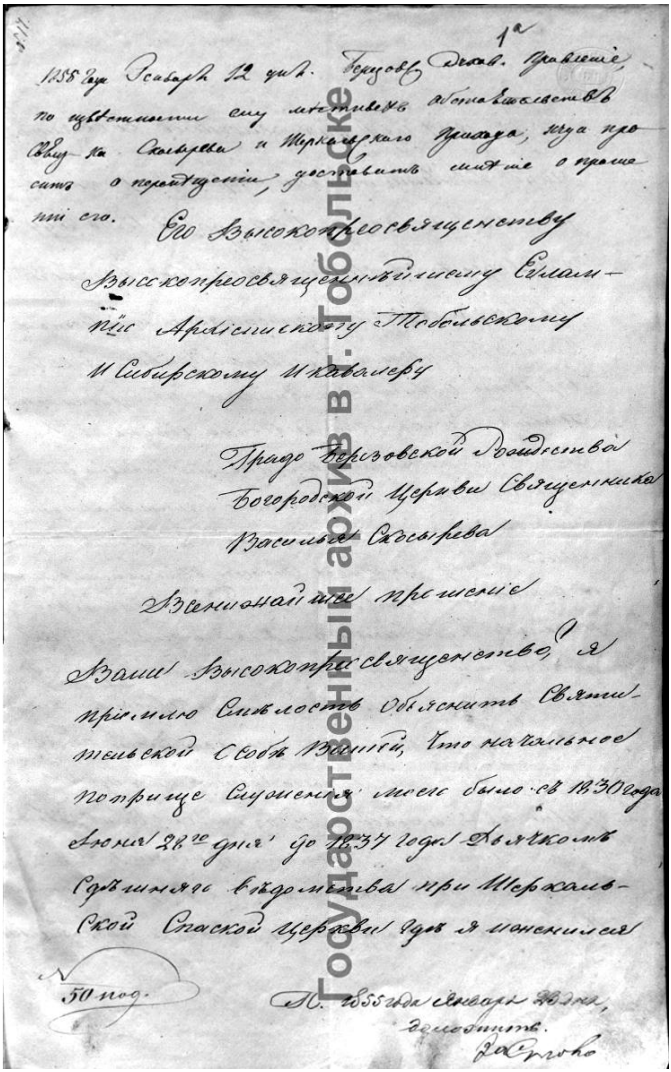
другого и о сем учинить милостивую Архипастырскую резолюцию» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 1679. Л. 1–1 об.).

Следующий документ в деле – справка ТДК с указанием, что в ней не обнаружено никаких дел относительно священника подгородного Березовского села Андрея Мисгорева. Документ составил повытчик Трусов (Л. 2). Прошения священников были заслушаны на заседании ТДК 26 мая 1823 г. В ее журнале под № 3 записано: «Слушали прошение Омского ведомства Карасутского села Троицкой церкви священника Андрея Лепехина и Тобольского уезда Березовского села священника Андрея Мисгорева о перемещении одного на место другого, по прописанным в прошении причинам, и резолюцию Его Высокопреосвященства, коею предписать изволил: будет перемещению просителей никаких не откроется препятствий, перевесть по надлежащему. Приказали: как на перемещение просителей священников Березовского Мисгорева и Карасутского Лепехина препятствий никаких не находится; то и выдать им переводные указы, о чем известить благочинного … и Омское духовное правление с изъяснением послужного списка о Мисгореве» (Л. 3–3 об.).

ТДК в июне 1823 г. (число не проставлено) написала письмо тобольскому губернатору действительному статскому советнику А.С. Осипову о том, что Андрей Мисгорев должен немедленно прибыть в назначенное ему место, и с просьбой выдать ему для этого средства на одну пару лошадей (изначально просили билет на поезд от Тобольска до Омска, но соответствующий текст был зачеркнут архиепископом в ходе правки) (Л. 4). На такую просьбу 30 июня того же года была отправлена подорожная до г. Омска на Андрея Мисгорева с сопроводительным письмом от 2-го стола 3-го отделения Тобольского общего губернского управления в ТДК (Л. 5). Священник получил подорожную 2 июля 1823 г., о чем дал расписку (Л. 6). Дело рассматривалось, как видно, в течение года.

Инициирующим документом седьмого «Дела о переводе священника Березовской городской Богородской церкви В. Скосырева в с. Шеркальское Березовского ведомства» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 534. Л. 1–10) послужило «всенижайшее» прошение священника Березовской Рождества Богородской церкви Василия Скосырева от 30 декабря 1854 г.: «Ваше высокопреосвященство,

я приемлю смелость объяснить Святительской Особе Вашей, что начальное поприще служения моего было с 1830 года июня 28-го дня до 1837 года дьячком духовного ведомства при Шеркальской Спасской церкви, где я и женился, а в 1837 году рукоположен в священника к Чемашевской церкви, при которой находился до 1844 года в сем году переведен к настоящей Богородской церкви, а с 1849 года по настоящее число состою членом Березовского духовного правления всей Березовской округи духовником и сотрудником Тобольского попечительства о бедных духовного звания. Сие последние должности, сколько для пользы отечества, а большей частью для меня были бы приятны относить. Но к несчастному жребию моему случилось со мной в большом качестве головная боль, по причине которой не столько я должен оставить настоящие должности, но даже церковную ежедневную службу и городские частовременные христианские требы для пользы моей и поддержания семейства моего, состоящего из 4-х дочерей и 2-х сыновей. … сам собой я лучше нахожу без ропота городских жителей на болезнь мою, особенно во время отлучен благочинным оставить проповедение городских обязанностей по слабому моему здоровью. Способным нахожу переместиться в первобытное село к Шеркальской Спасской церкви, где полагаю скорее могу получить себе некоторое облегчение, потому прошу Ваше Высокопреосвященство милостивейшего нашего отца оказать Вашу Архипастырскую милость 1-е в том перевести меня в Шеркальское село местным священником с правом получать полный оклад жалования и именоваться старшим священником, не ради отправления прежних моих должностей, но ради большого моего семейства и слабого моего здоровья; причем благопокорнейше докладываю, что ныне находящийся при Шеркальской Спасской церкви священник Иван Пономарев, хотя стар, но крепкого телосложения, может пользоваться до доволи добровольными доходами от прихожан за требы, коих считается до 1500 душ обоего пола, притом же он вдов, имеет при себе в доме сына своего пономарем, который малосемейный, а частью прожиточный от трудов своих на что и ожидаю Вашей милостивой архипастырской резолюции». 12 января 1855 г. епископ в резолюции потребовал от правления прислать ему прошение Василия Скосырева (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 534. Л. 1–2 об.) (рис. 3).



Государственный архив в г. Тобольске

Рис. 3. Прошение священника Березовской Рождества Богородской церкви Василия Скосырева от 30 декабря 1854 г.

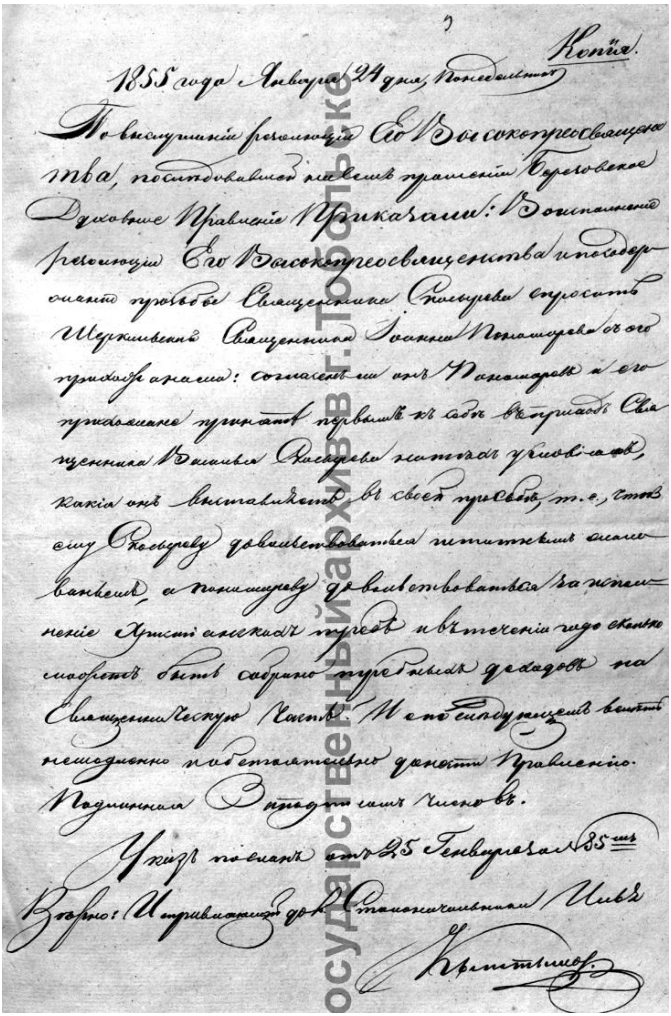


Рис. 4. Копия указа ТДК 24 января 1855 г.

Следующий документ в деле – копия указа ТДК от 24 января 1855 г. (рис. 4). Интересно, что впервые встречается указание на день недели после даты (в данном распоряжении это понедельник). ТДК приказала узнать у священника и прихожан с. Шеркальского, согласны ли они с предложением Василия Скосырева

о его переводе в их приход и о разделении доходов с Иваном Пономаревым (Л. 4).

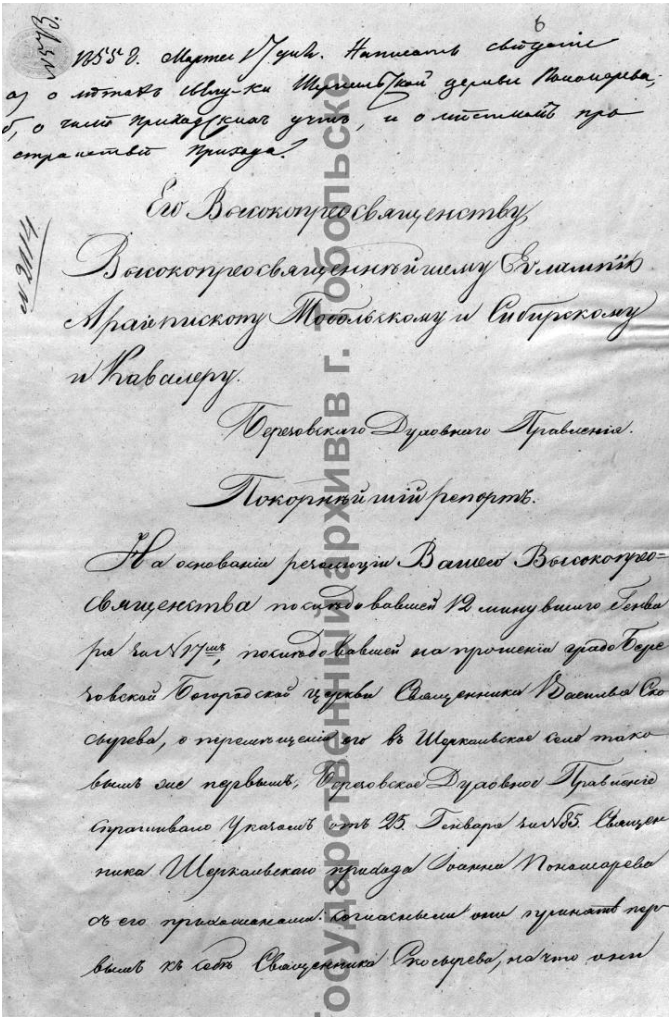


Рис. 5. Рапорт БДП в ТДК 23 февраля 1855 г.

15 февраля священник и прихожане подписались в рапорте, где выражали несогласие принять в свой приход второго священ-

ника. 22 февраля БДП получило ответ от них на указ ТДК (Л. 5). На следующий день БДП отправило в ТДК рапорт, пояснив, что «содержаться двум священникам будет нечем, а удалить священника Пономарева от Шеркальского прихода ради просьбы священника Скосырева не за что», и советовало последнему проситься в ту церковь, где есть праздное место, «не обидя другого». 17 марта епархиальный преосвященный в своей резолюции велел представить сведения о возрасте Ивана Пономарева, количестве прихожан и «местном пространстве прихода», т.е. его территории (Л. 6–7 об.) (рис. 5).

На следующем листе содержатся 2 текста – один поверх другого. Первый – это справка ТДК от 18 марта, содержащая информацию о том, что священнику 69 лет и он вдовец, приход состоит из 961 дома, в которых проживает 616 мужчин и 530 женщин, границы прихода – от 5 до 200 верст, а из прихожан ясачные остяки живут от церкви на достаточно большом расстоянии и добраться до них в любое время года затруднительно (по клировой ведомости за 1854 г.). Между строками справки написана резолюция епископа с требованием дополнить справку данными о наличии у Ивана Пономарева семьи (детей) и расстоянии от прихода до ТДК и БДП, так как «70-летнему старцу разъезжать на 200 верст по юрте остяков с силами несовместимо». Архиепископ выразил согласие переместить Василия Скосырева в Шеркальский приход, а в Богородскую церковь на свободное священническое место отправить кандидата из дьяконов, которые прослужили 10–15 лет (Л. 8). 21 марта справка была дополнена сведениями о том, что Иван Пономарев не имеет семьи, расстояние от прихода до ТДК – 850 верст, до БДП – 150 (Л. 8 об.). 14 апреля ТДК приказала исполнить резолюцию архиерея (Л. 9). Дело рассматривалось 3,5 месяца.

Восьмое дело называется «Прошение дьякона Петропавловской церкви села Березовского Тобольского Подгородного уезда Е. Попова о переводе его в Троицкую церковь села Дубровного» 1815 г. (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1424. Л. 1–3).

Дело было начато вследствие «покорнейшего» прошения дьякона Петропавловской церкви с. Березовского Евфилия Попова 12 июля 1815 г. архиепископу Амвросию: «В 1776 году рукополо-

жен нижайший в дьякона к вышеозначенной Петропавловской церкви, где и проходил сие звание с должным рачением и исправностью, пока с умножением лет силы мои не умалились, проживал с престарелою и хворою своею женою собственными своими трудами и подаянием от прихожан ругою. Ныне же сделавшись стар, и дряхл, я не в состоянии работать для своего пропитания; сверх того должен … квартиры, поскольку собственный дом мой к величайшему моему несчастью, года два назад тому снесло в бывшее наводнение реки Иртыша, все сие насильно принуждает меня беспокоить Святительскую вашего высокопреосвященства особу и всенижайшее просить о переводе меня в подгородное же Дубровное село к Троицкой церкви, где находившийся дьячком сын мой Иван Попов предлагает для успокоения моей с женой старости по долгу сыновнему содержать, удостоить ваше высокопреосвященство сию мою просьбу … внимания и наградить архипастырскою резолюцией». Документ был составлен служащим ТДК и подписан дьяконом, заслушан 14 июля и в этот же день одобрен архиепископом (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1424. Л. 2–2 об.). ТДК в этот же день приказала выдать распиской дьякону И. Попову «перехожий» указ и уведомить об этом благочинного Земляницкого, чтобы он отметил перемещение в ведомостях (13 августа). Документ по традиции заверил повытчик ТДК (Л. 2). Производство дела длилось один месяц.

Итак, для дел о перемещении духовных лиц из одной церкви в другую предусматривалось наличие определенного комплекса документов. Инициирующим из них являлись «всенижайшие», а чаще «покорнейшие» прошения священно- и церковнослужителей.

Причинами перевода были в основном личные обстоятельства, связанные с нехваткой средств, чтобы обеспечить нормальную жизнедеятельность; для служащих – ограниченное количество прихожан, с которых можно было брать деньги за требы, либо незнание языка коренных жителей (это не давало возможности проводить обряды), а для уволенных – отсутствие содержания и тех, кто бы мог о них позаботиться; в последнем случае их переводили к церквям или монастырям, при которых служили их родственники.

Процедура перевода в другое место служения (или только содержания для уволенных по старости лет или инвалидности) была

следующей: 1) подача прошения (обычно на имя архиерея, но в качестве исключения просто в ТДК); 2) после получения прошения ТДК составляла справку о просителе (либо характеристику, представленную благочинным или прихожанами); 3) спрашивалось мнение («одобрение») прихожан и священника той церкви, в которую хотело перейти духовное лицо (в случае перемещения по болезни к родственникам – обязательство заботиться о нем); 4) все эти документы передавались епархиальному архиерею для проставления резолюции (как и в настоящее время – по верхнему полю листа); 5) выписка из журнала ТДК об исполнении резолюции (протокол), в ней же делались пометы о датах отправки указов и номерах документов; 6) указы в те духовные правления, в чьих ведомствах находились церкви, относившиеся к делу; 7) рапорты о получении указов; 8) если в процессе производства дела появлялись новые обстоятельства (например, в ответном рапорте духовное правление отказывалось от выполнения просьбы), то ТДК подавала об этом рапорт епископу; 9) дополнительные данные мог запросить в своей резолюции архиерей, тогда ТДК опять же составляла протокол, потом посылала указы и получала в ответ рапорты, и сама составляла рапорт епархиальному преосвященному; 10) итогом дела служил «перехожий» указ, выдаваемый ТДК просителю. Пункты 8 и 9 могли отсутствовать, и в таких случаях вся процедура кадрового перемещения состояла из 8 этапов.

«Перехожие» указы не обнаружены, скорее всего, по причине того, что они являлись исходящим документом. Среди указов ТДК в духовные учреждения сохранился только один экземпляр – черновик (настоятелю монастыря). Другие исходящие документы могли также храниться в делах ТДК в виде черновиков и копий. Как видно по многочисленным исправлениям в черновиках, епархиальные архиереи внимательно следили, чтобы документация составлялась аккуратно, и делопроизводство находилось на приемлемом уровне.

При определении сроков дел выяснилось, что производство по делу могло длиться от нескольких дней (это скорее исключение) до нескольких месяцев (3–6), иногда же рассмотрение вопроса затягивалось до года (при частой переписке между находящимися на большом расстоянии друг от друга учреждениями) и даже

больше. Разбирательство по самому долгому из обнаруженных нами дел продолжалось 14 месяцев, и проситель не дожил до его решения. Эти данные свидетельствуют о несовершенстве документооборота РПЦ в Березовском округе и вообще в Тобольской епархии в XIX в., что непосредственно отражалось на судьбах отдельных духовных лиц, иногда плачевно.

Следует отметить, что прошения духовных лиц в XIX в. отличались от современных заявлений наличием подробных описаний личных проблем (со здоровьем, например), личных дел (к примеру, указывалось, когда священник женился); с 1854 г. обнаруживается слово «сотрудник». Рапорты, объяснения и другие документы были разбиты на пункты, как того требовал Генеральный регламент.

Литература

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 156. Оп. 7. Д. 1119, 1424, 1655, 1662; Оп. 9. Д. 327, 788, 1679; Оп. 11. Д. 534.

Глава 4

УДК 93/94

К ВОПРОСУ О ТОРГОВЛЕ СОЛЬЮ И ВИНОМ В РЯДЕ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1863 г.

Аннотация. С использованием ранее не привлекавшихся архивных материалов дается характеристика нормативной базы в области торговли солью и вином в ряде городов Западной Сибири. Определены объемы продаж, ценовая и акцизная политика правительства империи. Акцент сделан на управлении процессом торговли и роли в нем чиновничьего аппарата.

Ключевые слова: Березов; Курган; Петропавловск; торговля вином; соляная торговля; акцизы; казенные магазины; приставы; ведомства; архивные материалы.

Еще до начала Великих реформ отдельные изменения были проведены в области финансов. 26 октября 1860 г. Александр II подписал указ о введении в стране с 1863 г. акцизной системы. На основании Высочайше утвержденного 4 июля 1861 г. положения «О питейном сборе» с 1 июля 1862 г. была создана сеть местных акцизных учреждений (О питейном сборе 1863: 39–70). Акцизные управления разделялись на губернские и окружные. Этот документ явился катализатором многих изменений, которые постепенно затрагивали в этой сфере и отдаленные губернии Зауралья.

Публикуемые документы хранятся в Историческом архиве Омской области, имеют название «Относительно назначения чиновников для заведывания продажею казенной соли в Кургане[38], Петропавловске[39] и Березове[40]», датируются 22 марта, 8, 12

[38] Курганский округ в 1804–1898 гг. входил в состав Тобольской губернии, которая в 1822–1882 гг. являлась частью Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Численность населения Кургана в 1897 г. составляла 10 301 человек (Первая Всеобщая перепись населения...).

[39] Петропавловский уезд – административная единица в составе Омской области (1822–1838), Акмолинской области. В городе Петропавловске проживало в 1897 г. 19 688 человек (Первая Всеобщая перепись населения…).

и 15 апреля 1863 г. Из них становится ясно, что правительство пыталось найти оптимальный вариант сбора акцизов (О применении 1865: 204–205).

Заметим, что территории Тобольской губернии, на которые распространялась организация продажи соли и вина, разделяли сотни верст. Два города располагались на юге и географически были близки (Курган и Петропавловск), а Березов был удален от них на сотни верст к северу. Но самое главное – численность населения и объемы продаж соли и вина разнились в них в десятки раз.

Небольшая численность населения Березова сказалась и на количестве чиновников, привлекаемых к управлению. Там сочли возможным объединить обязанности соляного и винного приставов, а в Кургане и Петропавловске не было чиновников, которых можно было дополнительно нагрузить без ущерба прямым обязанностям, которые в упомянутых городах были несоразмерными. Кадровый голод в Березове чувствовался меньше, чем в двух других городах. В южных нагрузка на чиновников была больше, чем в Березове, что видно и по материалам документов.

Для решения проблемы были задействованы высокопоставленные чиновники разных ведомств и уровней: министр финансов, генерал-губернатор Западной Сибири, Тобольский гражданский губернатор, управляющий питейно-акцизными сборами Западной Сибири, председатель Казенной палаты Тобольской губернии.

Делопроизводственная документация сегодня все больше вовлекается в научный оборот, являясь важным историческим источником. Она позволяет изучать движение документов, стиль написания официального документа. По почерку можно говорить о культуре письма переписчика, знании им правил делопроизводственной техники, работе канцелярских служащих. Здесь же указываются и фамилии рядовых чиновников, имена которых сохранены для истории региона. Но самое главное, мы наблюдаем порядок согласования, сроки движения деловых бумаг и принимаемые

---

[40] Березовский уезд располагался на севере Тобольской губернии. Березов – один из первых городов Западной Сибири, численность на 1897 г. составляла 1070 человек (Первая Всеобщая перепись населения…).

решения, от которых зависело функционирование системы. Кроме того, можно понять, как менялось управление в сфере торговли солью и вином.

Таким образом, содержание документов привлечет заинтересованного исследователя, будет способствовать уточнению отдельных сторон реализации новых направлений в управлении торговлей солью и вином в крупных городах Западной Сибири.

Литература

Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5553. Л. 1–9 об.

О питейном сборе: высочайше утвержденное положение от 4 июля 1861 г. № 37197 // Полное собрание законов российской империи: В 55 т. Собр. 2. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1863. Т. XXXVI. Отд. II. С. 39–70.

О применении к Западной и Восточной Сибири Положения об акцизном управления питейными сборами: высочайше утвержденное положение сибирского комитета от 15 марта 1862 г. № 38063 // Полное собрание законов российской империи: В 55 т. Собр. 2. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1865. Т. XXXVII. Отд. I. С. 204–205.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года (Губернские итоги). 1903–1905. Т. 1–89. Санкт-Петербург: Изд. центр Стат. комитета М-ва вн. дел.

Приложение 1

Министерство финансов.
Тобольская казенная палата по отделению Соляному.
марта 22 1863 г. № 407 г. Тобольск
Господину председательствующему в Совете главного управления Западной Сибири!

В городах Кургане, Петропавловске и Березове должности винных и соляных приставов по распоряжению Министерства финансов, последовавшему в 1863 г. на основании высочайше утвержденного мнения Государственного совета, соединены в одном лице.

Так как винные приставы с 1 января сего 1863 года перешли в ведомство питейно-акцизного управления Западной Сибири, к

которому по высочайше утвержденному 14 мая 1862 года новой акцизной системы государственного соляного дохода, предполагается присоединить и соляное управление, то Казенная палата имеет в виду, что при введении в действие этой системы должна быть прекращена казенная продажа соли (что может последовать всего скорее в городах Петропавловске и Кургане по местным обстоятельствам) в феврале месяце сего года просила г. Управляющего питейно-акцизными сборами Западной Сибири в случае увольнения курганского винного пристава Пудовикова за болезнью его от настоящей должности, возложить заведывание там продажею казенной соли на обязанность того, кто на его место будет назначен; равным образом и в г. Петропавловске продажу соли оставить по-прежнему в заведывании тамошнего винного пристава по уважению тому, что нет основания ходатайствовать об учреждении там, на короткое время новых должностей соляных приставов, тем более, что для производства продажи казенной соли из магазинов и лавок, как в Петропавловске, так и в городе Кургане, есть по два соляных вахтера, определяемые от правительства и самые обязанности соляных приставов, будучи незначительны, требуют весьма мало занятий; что же касается до винного пристава в г. Березов, то палата отозвалась г. Управляющему питейно-акцизными сборами Западной Сибири, что в случае затруднения при поручении ему заведывания попрежнему продажею казенной соли, эта последняя обязанность может быть с удобностью возложена на березовского казначея по незначительности продаваемой там соли и по весьма ограниченному кругу действий его по прямой обязанности березовского казначея, тогда как в Кургане круг действий казначейства обширен, следовательно, и занятия казначея, на которого можно только возложить заведывание продажей казенной соли значительны, других же учреждений ведомства Министерства финансов как в Кургане, так в Петропавловске нет.

На это Управляющий питейно-акцизным сбором Западной Сибири двумя отношениями от 12 прошедшего февраля и 9 сего марта за № 364 и 601 уведомил казенную палату, что так как многосложные занятия, соединенные с должностью винного пристава при существующей новой системе продажи питей, требуют усиленного и непрерывного труда со стороны лиц, занимающих

эти места, которые для успешного выполнения своих обязанностей не могут быть отвлекаемы никакими посторонними занятиями, то он, г. Управляющий, не считает возможным возлагать на винных приставов Кургана и Петропавловска заведывание местным и соляными магазинами и потому просит палату распорядиться назначением для этого кого-либо из находящихся в ведомстве должностных лиц. Между тем за болезнью, а затем и увольнением курганского винного пристава Пудовикова, хотя заведывание продажею в этом городе казенной соли курганским частным окружным управлением и возложено на квартального надзирателя тамошней городской полиции Кудрявцева, то ныне окружное управление ходатайствует о сложении с Кудрявцева этого поручения и о скорейшем назначении для сего особого чиновника, так как Кудрявцев необходим по отправлению прямой своей обязанности, а других чиновников, по донесению окружного управления, на кого бы можно было возложить заведывание продажею казенной соли в виду не имеется.

Казенная палата определила: принимая в соображение: а) что соединение должностей винного и соляных приставов в гг. Кургане, Петропавловске и Березово в одном лице последовало в 1853 году по распоряжению Министерства Финансов, основанному на высочайше утвержденном мнении Государственного совета и поступать в отмену оного палата не считает себя в праве, и б) что при невозможности ныне по отзыву г. Управляющего питейно-акцизными сборами Западной Сибири возлагать на винных приставов заведывание продажею соли в городах Кургане и Петропавловске и за неимением там других чиновников ведомства Минфина, на коих возможно было бы возложить последнюю обязанность, кроме курганского казначея, который, однако, по обширности круга действий казначейства не может отвлекаться от занятий по прямой обязанности без ущерба для службы, встречается ныне затруднение, кому именно вверить исполнение обязанности соляных приставов в упомянутых городах, исключая Березово, где заведывание соляною частью представляется возможным поручить местному окружному казначею по ограниченности его занятий, соединенных с прямою обязанностью – казенная палата предоставит об этом на благорассмотрение и разрешение Вашему Превосходительству, доложив при том, что в настоящее

время по случаю командирования по делам службы некоторых чиновников и по крайней необходимости в занятиях по делопроизводству и счетоводству других классных чиновников палаты, она имеет у себя свободных и благонадежных чиновников, коих необходимо ныне двух командировать в Курган и Петропавловск для отправления обязанностей соляных приставов, тем более что в соляном отделении, кроме бухгалтера и двух столоначальников, из коих один в двух месячном отпуску, других классных должностных чиновников нет, а из чиновников особых поручений один в командировке, а другой занят важным делом по разбору недоимок, из прочих же отделений отвлечение от прямых обязанностей классных чиновников, занимающих должности, неминуемо поведет к медлительности и упущениям по счетоводству и делопроизводству палаты. Подпись

Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5553. Л. 1–4 об.

Приложение 2

№ 272 г. Управляющему питейно-акцизным сбором Западной Сибири
8 апреля 1863 г. № 364.

Согласно Высочайше утвержденного 18 мая 1853 г. мнения Государственного совета, заведывание соляными казенными магазинами возложено в Кургане и Петропавловске на тамошних винных приставов.

По поступлении всех винных приставов в текущем году в ведение акцизного управления и последствие отзыва вашего высокородия, что по многосложности в настоящее время занятий, соединенных с должностью винного пристава, невозможно возложить на винных приставов.

Не найдете ли Вы возможным допустить, чтобы некоторое время винные приставы в Кургане и Петропавловске заведовали там и продажею казенной соли.

Верно за столоначальника. Подпись

Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5553. Л. 5–5 об.

Приложение 3

Управление питейно-акцизным сбором Западной Сибири
12 апреля 1863 № 855 г. Омск.

Его Высокопревосходительству генерал-губернатору Западной Сибири господину генералу от инфантерии и кавалеру Дюгамелю (занимал должность в 1861–1866 гг. – *В.М.*).

Вследствие предложения Вашего высокопревосходительства от 8 сего апреля за № 364 имею честь донести, что я, вместе с сим, предписал надзирателю третьего питейно-акцизного округа, дабы Курганский и Петропавловский винные приставы приняли в свое заведывание и продажу там казенной соли. Управляющий. Подпись

Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5553. Л. 7.

Приложение 4

Главное управление Западной Сибири. Отделение 3. Стол 2.
15 апреля 1863 г. № 388 г. Омск.
Тобольской казенной палате.

Впоследствии представления Тобольской казенной палаты от 22 апреля минувшего марта за № 407 уведомляю палату для надлежащего распоряжения, что по сношению моему с г. Управляющим питейно-акцизным сбором Западной Сибири г. Дела-Гарди, предписал надзирателю третьего питейного акцизного округа, дабы Курганский и Петропавловский винные приставы приняли в свое заведывание и продажу там казенной соли и что я не встречаю со своей стороны препятствия к возложению заведывания соляною частью в Березове на тамошнего окружного казначея. Подписал Дюгамель. Верно: Губернский секретарь. Подпись.

Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5553. Л.8.

Приложение 5

Господину Министру Финансов.
№ 389

Имею честь препроводить к Вашему Высокопревосходительству список с представленным Тобольской казенной палатой от 22 апреля за № 407 по предмету назначения чиновников для заведывания продажею соли в Кургане, Петропавловске, Березове долгом поставлено присовокупить, что по сношению моему с управляющим питейно-акцизным сбором Западной Сибири он согласился, чтобы Курганский и Петропавловские винные приставы заведовали по-прежнему продажею там казенной соли, о чем и дано от него предписание и что я известил Тобольскую казенную палату, что не встречаю со своей стороны препятствия к возложению заведыванием соляною частью в Березове на тамошнего окружного казначея.

Верно за столоначальника. Подпись.

Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5553. Л. 9–9 об.

Глава 5

УДК 93/94

БЛАГОЧИННЫЕ БЕРЕЗОВСКОГО И СУРГУТСКОГО ОКРУГОВ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Аннотация. В разделе рассматриваются функции, особенности назначения Березовского и Сургутского благочинных в XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: Русская Православная церковь; благочиние; Тобольская епархия; Сургут; Березов; духовенство.

Благочиние и приход являлись двумя низовыми звеньями системы церковного управления. Именно на этом уровне происходила практическая реализация нормативных и распорядительных актов, разработанных и утвержденных высшей церковной и светской властью.

Термин «благочинный» появился в документах Русской Православной церкви в 1697 г., когда была составлена «инструкция старостам поповским, или благочинным смотрителям от Святейшего патриарха Московского Адриана». Эта должность упоминается в Духовном регламенте 1721 г., где вменялось в обязанность с целью тщательного и усиленного надзора учинить наказ по всем городам, «чтобы протопопы, или нарочно определенные к тому благочинные, как духовные фискалы, все, относящееся к обязанностям епископа, надсматривали и ему епископу доносили…» (ПСЗРИ. 1-е. СПб., 1830. Т. VI. № 3718).

По утверждениям В. Цыпина, «после упразднения должности поповских старост в 1764 г. священники, управляющие частями епархии, именуются только благочинными. Соответственно сами части епархии называются благочинными округами» (Цыпин 2002: 338). В 1775 г. Св. Синод издал общую инструкцию благочинным приходских церквей, составленную московским митро-

политом Платоном (Левшиным)[41]. В последующем этот документ, определявший место благочинного в епархиальном управлении, неоднократно дополнялся.

Хотя по некоторым данным, уже со времени императрицы Елизаветы Петровны «прежние заказчики, как правило, стали именоваться благочинными», с 1764 г. – «только благочинными», а части епархии соответственно «благочиниями» (Цыпин 2002: 338), на территории Тобольского Севера подобные реорганизации и переименования проходили с большим запозданием. Термин «заказ» и «закащик» использовались здесь в официальной документации вплоть до начала XIX в. (см., напр.: Приказ 2005: 215–216; Указ 2006: 112).

Должность благочинного была введена указом Тобольской духовной консистории от 11 мая с 1803 г. «повсеместно.., в том числе в Сургутском заказе над состоящими в том пятью церквами». Преосвященный определил на это место священника Нижне-Лумпокольской Богородице-Рождественской церкви Якова Кайдалова (Указ 2006: 112). В дальнейшем на протяжении многих десятилетий сургутскими благочинными являлись исключительно представители двух священнических родов, издавна служивших на Тобольском Севере, – Кайдаловых и Вергуновых: Иоанн Иоаннович Вергунов (1811–1829 гг.), Андрей Яковлевич Кайдалов (1829–1830 гг.), Николай Яковлевич Кайдалов (1830–1832 г.), после долгого перерыва – Василий Александрович Кайдалов (1849–1872 гг.).

С 1805 по 1812 гг. благочинным Березовского уезда являлся священник Матвей Попов[42]. Он был уволен от должности по болезни. После него утверждается Иоанн Иоаннович Вергунов

[41] Согласно московской «Инструкции благочинным» (1775 г.) митрополита Платона (Левшина), благочинные перестали избираться духовенством, и право их назначения перешло к епископам.

[42] По данным на 1823 г., священнику Матвею Попову 63 года, вдов. С 1776 г. – в Березовской Воскресенской церкви псаломщик, с 1781 г. – к той же церкви дьякон, в 1788 г. в Сухоруковской определен священником, с 1805 по 1812 гг. – Березовского уезда благочинный. Уволен от должности по болезни. См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 7. Л. 2 об.

(1811–1833 гг.)[43], далее – Николай Яковлевич Кайдалов (1833–1841 гг.)[44]. В марте – июне 1841 г. благочинным был священник березовского Воскресенского собора Иоанн Алексеевич Карпов[45]

[43] Вергунов Иоанн Иоаннович. Дьяческий сын. В 1807 г. определен к градо-Березовской Воскресенской церкви и в духовное правление «присутствующим и благочинным Березовского округа». В 1811 г. произведен протоиереем к Одигитриевскому собору г. Березова, в том же году определен в Березовский оспенный комитет и благочинным ведомства Сургутского; по Министерству народного просвещения Березовского уездного участка законоучитель с 1818 г. и штатный смотритель с 1823 г. На 1823 г. – член Березовского духовного правления, на 1828 г. – «первоприсутствующий» духовного правления. См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 8. Л. 3 об., 6; Ф. И-156. Оп. 19. Д. 7. Л. 1.

[44] Кайдалов Николай Яковлевич – сын священника; на 1833 г. – 39 лет. Окончил курс ТДС со свидетельством. С 12 августа 1818 г. – учитель рисовального класса Березовского уездного училища, с 14 сентября 1818 г. – и.д. учителя 1-го класса и законоучителя. С 10 июня 1818 г. определен по г. Березову депутатом и увещевателем, с 15 августа 1822 г. – в духовное правление «второприсутствующим», 15 апреля 1830 г. переведен в упраздненный г. Сургут к Троицкой церкви на протоиерейскую вакансию и в духовное правление «первоприсутствующим» с «поручением дать правильный ход делам и приведение в порядок правленского архива». 15 августа 1830 г. определен благочинным по указанному заказу; а с 7 октября того же года – сотрудником попечительства. 2 декабря 1832 г. произведен протоиереем в г. Березов к Воскресенскому собору, 14 декабря 1832 г. – сотрудником попечительства по Березовскому округу, с 22 декабря 1832 г. – и.д. штатного смотрителя Березовского уездного училища, с 3 января 1833 г. – член оспенного комитета. На 1834 г. Н.Я. Кайдалов упоминается в клировых ведомостях как «первоприсутствующий» БДП. 10 февраля 1839 г. определен благочинным по уездным церквям Березовского ведомства с поручением иметь надзор по Кондинскому Троицкому монастырю. 11 апреля 1839 г. Н.Я. Кайдалову поручено крещение идолопоклонников Березовского округа «по желанию их». См.: ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. И-156. Оп. 19. Д. 10. Л. 3 об.; Д. 17. Л. 8 об.; Д. 15. Л. 2 об.–3 об.

[45] Карпов Иоанн Алексеев – священник Березовского Воскресенского собора, где нес службу с 1836 г., а 20 июня 1841 г. определен «второприсутствующим» Березовского духовного правления и благочинным по уездным церквям и депутатом по г. Березову и его уезду. 14 марта 1841 г. был утвержден преосвященным Афанасием присутствующим в

«впредь до определения местного протоиерея», с 20 июня 1841 г. – «второприсутсвующим» БДП и благочинным «по уездным церквям» (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17. Л. 2 об.–3). С 1834 г. в течение более 40 лет (до 1875 г.) обязанности березовского благочинного исполнял Иоанн Матвеевич Заборовский[46].

Как видно из приведенных датировок, должности благочинного по городу и уезду не всегда, даже в условиях малонаселенного Тобольского Севера, были сосредоточены в одних руках. В то же время могла наблюдаться и обратная ситуация, когда один священник занимал сразу несколько должностей.

Указом Св. Синода от 2 июля 1838 г. архиереи «по местному усмотрению» должны были представить сведения о том, сколько будет в каждой епархии благочинных округов, принимая во внимание «пространство епархии, количество в ней церквей и причтов, также расстояние одних церквей от других, полагая для составления округа от 20 до 30 церквей, а в тех местах, где образованию округа из многих церквей препятствует большое расстояние их, или неудобство сообщений, от 10 до 20 церквей, не допуская без нужды малочисленных округов» (Об епархиальном 1885: 163; Руководственные 1879: 29).

Священник И.М. Заборовский 28 января 1830 г. был определен «присутствующим» Березовского духовного правления

БДП, благочинным, членом оспенного комитета. См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17. Л. 4 об.–5.

[46] Заборовский Иоанн Матвеевич родился около 1806 г., сын священника. Выпускник ТДС. Настоятель Воскресенского собора протоиерей И.М. Заборовский, который одновременно состоял и в должности штатного смотрителя Березовских училищ, стоял у истоков женского образования в Березовском крае. Именно он обратился ко всем жителям города с призывом жертвовать средства на вновь открываемую женскую школу, а также об определении в нее своих дочерей. 30 октября 1860 г. был дан благотворительный спектакль, сборы с которого в размере 50 руб. также пошли на школьные нужды. И.М. Заборовскому за открытие в городе Березове женской школы и «приобретение в пользу ее 344 рублей и под помещение ее удобного дома» 27 мая 1861 г. было передано благословение Святейшего правительствующего Синода с пожалованием орденом Св. Анны 3-й степени за безупречную 25-летнюю благочинническую службу.

(ГУТО ГА в Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17. Л. 12), 20 августа 1834 г. – благочинным березовских уездных церквей, а 20 июня 1841 г. – первоприсутствующим в духовное правление, благочинным градских, уездных и Сургутских церквей Березовского округа и Кондинского монастыря и дополнительно 2 октября 1841 г. – благочинным Самаровской и Селияровской церквей (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17. Л. 3 об.–4). В то же время, как уже отмечалось, в 1833–1841 гг. березовским благочинным являлся и протоиерей Н.Я. Кайдалов (Православные 2004: 50). Вероятно, последний из них являлся городским благочинным и одновременно «первопристуствующим» в БДП, в то время как И.М. Заборовский – «второпристутвующим» и благочинным уездных церквей.

В Березовском округе в середине 1850–1870-х гг. наблюдалось разделение управления между благочинным протоиереем березовских церквей и тремя священниками окружных благочиний с центрами в Сургуте, с. Обдорском и с. Чемашевском (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 25. Л. 1).

Первый округ включал шесть храмов Сургута и бывшего Сургутского уезда. Пятью приходами крайнего северо-запада ведал благочинный второго округа. Третий округ занимал территорию пяти приходов к югу от окружного центра. Кроме того, в ведении городского благочинного и «первоприсутствующего» находились две церкви г. Березова (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 25. Л. 1). Самаровская церковь была отнесена к одному из благочиний Тобольского округа. Окружные благочинные в переписке с вышестоящими учреждениями и приходами, в ведении делопроизводства могли полагаться только на себя. Канцелярских служителей при них не имелось.

В последующем от такого дробного деления отказались, вернувшись к прежней системе административного деления на два благочиния – Березовское и Сургутское (Памятная 1913: 109–110), тогда как в многолюдных южных уездах Тобольской епархии управление городом и уездом, как правило, относилось к разным церковным округам, и в уезд входило от 2-х до 4-х благочиний (см., напр.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 435).

Благочинный – административно-судебное должностное лицо, «главнейший надзор епархиального начальства» для «ближайшего

и бдительного наблюдения за священнослужителями» (Руководственные 1879: 29; ПСЗРИ. 1-е. СПб., 1830. Т. XXXVIII. № 29711). Вопрос о его положении во властной вертикали церковного управления регулировался синодальной инструкцией (1858 г.) (Инструкция 1885: XLVIII–LXI) и указом Св. Синода от 5 апреля 1881 г. (Дополнения 1885: 21). Устав духовных консисторий конкретизировал многие положения «Инструкции», регламентировал практически все сферы церковной жизни епархиального и приходского уровней (Устав 1883). Кроме того, как Синодом, так и епархиальными властями постоянно издавались различные пояснения и уточнения к этим основным документам (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 16. Л. 24). Документы определяли его как «посредствующее звено» в служебных отношениях между приходским духовенством и епархиальной властью (Инструкция 1900: 20).

Благочинный выступал в качестве контролирующей инстанции, обязанной следить за исполнением поступающих от епархиального начальства распоряжений, наблюдать за исправным отправлением приходскими причтами богослужения, треб, проповедования слова Божия. На основании синодальных, а также специально разрабатываемых епархиальных инструкций и форм благочинные составляли подробные годовые отчеты и полугодовые «обозрительные» рапорты (см., напр.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 333–336 об.) о религиозно-нравственном и материальном состоянии благочиния, а также «метрический экстракт», клировые и прочие ведомости. В июле и январе каждого года благочинные «доносили Преосвященному» о состоянии вверенных их попечению церковно-приходских общин. Кроме того, благочинный выполнял и ряд функций, характерных для светского чиновника.

В годы Первой мировой войны задача благочинных состояла в том, чтобы убедить население «выполнить патриотический долг» и принять участие в подписке на облигации военного займа для нужд обороны страны (Война 1916).

В свою очередь благочинный (как и приходской священник) должен был доносить непосредственному начальству обо всех происшествиях на вверенной им территории: эпидемиях, голоде, преступлениях против религии и нравственности.

На благочинного могли возлагаться и своего рода «экстраординарные» обязанности, не упоминавшиеся в синодальной инструкции. Например, в 1892 г. ему было поручено предоставить географические карты приходов «с указанием рек, болот, лугов и лесов», а также числа жителей (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 18. Л. 7–7 об.; 126). В 1850-х гг. сургутский благочинный В.А. Кайдалов производил опыты по посеву хлебов, собирал информацию о сельскохозяйственных экспериментах местного населения (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.; см., также: Цысь 2013). К этой же группе обязанностей благочинного может быть отнесено и разрешение (относящееся, в большей степени, к приходам) оповещать население о пожарах и наводнениях с помощью церковных колоколов (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 25. Л. 305).

Благочинный утверждался в должности Тобольским епископом обычно на три года, хотя существуют примеры в истории Тобольского Севера, когда обязанности благочинного исполняли по четыре и пять сроков. Таковыми были протоиерей самаровской Покровской церкви Нестор Вергунов, находившийся на должности благочинного в 1865–1902 гг., упоминавшиеся священники И.М. Заборовский, С. Тверитин, В. Чемесов и др.

В конце 1860-х – начале 1870-х гг., как отмечалось в отчете обер-прокурора Св. Синода, во многих епархиях преосвященные предоставили право духовенству на епархиальных съездах самому выбирать благочинных, что расценивалось как доказательство доверия со стороны епархиальной власти. Избранные оказывались «лучшими деятелями в пользу церковно-приходского благоустройства» (Извлечение 1871: 119) и, как отмечает И.К. Смолич, «рассматривались не столько как начальство, сколько как доверенные лица священников при епископе» (Смолич 1996: 355).

В Тобольской епархии выборное начало вводится лишь десять лет спустя. Состоявшийся в феврале 1881 г. общеепархиальный съезд духовенства постановил, что «пользуясь предоставленным духовенству правом выборного начала, перебаллотировать всех Благочинных епархии, из коих достойные должны быть оставлены на тех же должностях, а вместо забаллотированных должны быть представлены на утверждение епархиального начальства два кандидата… Срок служения выборных благочинных назначить

четырехгодичный, по истечению которого, по предложению самого Благочинного, производится перебаллотировка» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д. 96. Л. 415).

С этой же целью создавались благочиннические советы «как органы самоуправления, основанные на выборном начале», включавшие самого благочинного и двух священников, по «избранию самого духовенства» (Указ 1890: 291–293). Данная система церковного управления в Тобольской епархии стала вводиться епископом Иустином (Полянским) с июня 1890 г., когда в консистории был утвержден проект «Правил для благочиннических Советов Тобольской епархии» и разослано предписание «сделать согласно правилам, выбор членов Совета» (Проект 1890: 293–299). Архиереи, желая избавить консисторское делопроизводство от таких дел, которые «удобно и скорее могли бы решаться на местах» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2362. Л. 4–4 об.), передавали в ведение советов следующие вопросы: рассмотрение жалоб прихожан на членов причта, споры между членами причта по неправильному разделу братских доходов, жалобы на соседние причты «за вмешательство их в приходские дела», семейные несогласия, предоставление сведений епархиальному начальству и т.д. (Проект 1890: 293–299)

Однако впоследствии вновь вернулись к назначению благочинных епархиальным архиереем. Как отмечалось в п. 51. «Инструкции благочинному церквей», он «избирается … из достойнейших священников и определяется Преосвященным Архиереем (по своему личному и внимательному выбору)…» (Дополнения 1885: 20). Вывод О.Н. Устьянцевой о сворачивании демократических начал в системе управления Томской епархией, оформившихся в эпоху либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в., подтверждается и материалами Тобольской епархии. «Эта тенденция проявилась в замене в 1881 г. практики выбора благочинных назначением и установлении жесткого контроля архиерея над съездами духовенства», – заключает исследовательница (Устьянцева 2007: 10–11). Такое положение сохранялось вплоть до конца синодального периода.

По той же причине благочиннические советы на Тобольском Севере не создавались. Этого и не требовало епархиальное начальство: «так как большие пространства между приходами и вообще

разбросанность их представляет такую преграду, какая немыслима в срединных губерниях России», – отмечалось в решении консистории. Делался вывод, что «по местным условиям в Сургутском, Березовском, Туринском и Тарском уездах обязательное учреждение таковых невозможно» (Указ 1890: 292).

Епископ Томский и Барнаульский Макарий (Невский) попытался в своем годовом отчете ответить на вопрос, почему в сибирских епархиях коллегиальные органы самоуправления «малодеятельны», не проявляют «собственной инициативы», духовенство «не питает к ним «особого уважения»? Называется несколько факторов: дальность расстояния между приходами и центром благочиния, неразвитость путей сообщения, «излишние» приходские расходы на поездки, невозможность переложить на кого-либо пастырские обязанности в «одноштатном» приходе во время отсутствия священника (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2362. Л. 4 об.–5).

Однако в целом решающее слово оставалось все-таки за епархиальным архиереем. Св. Синод предписывал назначать благочинных «по личному внимательному архипастырскому своему выбору из беспорочных, опытных, усердных и наиболее деятельных священнослужителей» (Об епархиальном 1885: 163).

Должность благочинного оплачивалась, причем расходы, в том числе и на служебные поездки, ложились на причты. Тобольский епархиальный съезд духовенства 1881 г. рассматривал вопрос о назначении постоянного жалования благочинным, в результате которого принимается следующее постановление: «Назначить благочинным содержание не менее 120 рублей в год, предоставив благочинническим съездам, смотря по местным условиям и увеличивать оное. Расходы на содержание благочинных отнести одну половину на церковные суммы, а другую на духовенство и назначенное содержание оо. благочинным получать два раза в год, по истечении каждого полугодия» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-704. Оп. 1. Д. 96. Л. 415). С подчиненного духовенства налог на жалование благочинному составлял в начале XX в. по 5 руб. на штат (Вопросы 1916: 185).

В пореформенный период на должности благочинных утверждали кандидатов не только из местных священнических династий, но и из духовенства с юга Западной Сибири и других регионов.

Среди сургутских благочинных известны священники Алексей Андреевич Силин (1873–1876 гг.), Виктор Калугин (1877–1884 гг.), Стефан Тверитин (1884–1896 гг.), Александр Иванович Сивиллов (1896–1906 гг.), Федор Орловский (1906–1907 гг.), Иоанн Александрович Селихов (1907–1915 гг.), Петр Невский (1915–1916 гг.).

В должности березовских благочинных в разное время побывали священники Константин Иоаннович Загуменный, Александр Тверитин (1860–1869 гг.), Василий Александрович Чемесов (1860–1883 гг.), Иоанн Сургутсков (1883–1891 гг.), Иоанн Голошубин (1891–1893 гг.), Михаил Петрович Путинцев (1893 г.), Евдоким Никитин (май 1894 – 1895), Георгий Павлович Поникаровский (Паникоровский) (1896–1900 гг.), Михаил Вишневский (1899–1903 гг.), Иосиф Попов (1903–1907 гг.), Федор Александрович Плеханов (1907–1909 гг.), Андрей Петрович Тараканов (28 мая 1909 г. – 1910 гг.), Яков Иванов (1910–1911 гг.), Петр Матвеевич Дубасов (1911–1915 гг.), Артемий Анисимович Шевелев (1915–1917 гг.) и др.

Таким образом, в Сургутском благочинии средний срок пребывания в должности благочинного в течение XIX – начала XX вв. составлял около 9 лет: время вполне достаточное, для того чтобы приобрести опыт и квалификацию по управлению вверенными приходами. В Березовском благочинии ситуация была несколько сложнее из-за периодических реорганизаций местного церковного управления. Нахождение в должности колебалось от года до нескольких десятков лет и зависело от деловых и личностных качеств священнослужителя, умения наладить взаимоотношения, как с непосредственным начальством, так и с прихожанами.

Благочинный обязан был дважды в течение года обозревать церкви и причты, «примечая и наведываясь, все ли так делается как в инструкции предписано». Объезжая свой округ, окружной священник проверял состояние церковных документов, «свидетельствовал об исправности и неисправности их», следил за выполнением служебных обязанностей причтами, «увещевал» прихожан, чтобы они «жили честно по евангельским законам» и многое другое (Инструкция 1885: LIX). Благочинные в рапортах делали отметку о том, в каких приходах практикуется хоровое пение во время богослужения с участием прихожан, как часто посещаются инородческие юрты (если таковые имеются), сколько

функционирует церковно-приходских школ и каков в них уровень преподавания. Значение подобных инспекций определялось еще и тем, что позволяло благочинному объективно оценить деловые качества своих непосредственных подчиненных – приходских священников.

Разбросанность и удаленность церквей от местожительства благочинного существенно увеличивали продолжительность этих поездок. Судя по рапортам, благочинным «низового края» приходилось употреблять на каждое обозрение церквей две, три, а иногда и четыре недели. Такие длительные отлучки, в том числе и как настоятеля церкви, «не могут быть без ущерба для приходского дела, особенно когда благочинный находится в одноштатном клире» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2361. Л. 3 об.–4). Сохранилось прошение старосты М.А. Кокоулина и прихожан березовской Богородице-Рождественской церкви в Св. Синод о замещении священника И. Голошубина другим настоятелем, объяснявшее необходимость замены в том числе загруженностью священника делами церковного округа: «Вторая неделя как Голошубин катается по благочинию (он благочинный 2 городских и 11 окружных церквей), и когда еще возвратится, неизвестно, а в храме отправляют богослужения по воскресным и праздничным дням священники из местного Воскресенского собора… Но что общего между делом благочинья и прихожанами, которые на свой счет содержат этот причт, – ровно ничего» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-716. Оп. 1. Д. 32. Л. 422).

Здесь вполне очевидными становятся проблемы, возникавшие из-за совмещения должностных обязанностей. Ревностное исполнение функций благочинного могло послужить причиной недовольства приходской общины. В противоположной ситуации возникал риск вызвать недовольство со стороны епархиального начальства.

Ревизия «инородческих» приходов Березовского уезда благочинным И. Голошубиным за 2,5 года службы на севере проводилась четыре раза. В путевых записках священник характеризовал многие стороны взаимоотношений духовной и светской власти, инородческую паству и степень влияния на нее русских жителей края и местных причтов, давал советы по лучшим способам устройства миссионерских школ. В итоге он приходит к выводу, что

«жить среди них – это не значит, чтобы иметь над ними издали поверхностное наблюдение: этого слишком мало для точного и подробного определения личности инородца» (Голошубин 1895).

В одном из годовых отчетов епископ Антоний, отмечая все тяготы поездок благочинных Березовского, Сургутского уездов, пришел к выводу, что «если бы о.о. (отцы. – *О.Ц.*) благочинные этих уездов точно исполняли требование Инструкции[47] о двух кратности в год посещения всех приходов, то им почти все время пришлось бы быть в разъезде» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2361. Л. 4). Поэтому преосвященный ограничил обязанности благочинного одной поездкой.

Следует отметить, что в отличие от епархиального архиерея благочинный резко не выделялся из основной массы духовенства. Он был близок по статусу, уровню доходов к большинству приходских священников. Эта должность сопровождалась выполнением многочисленных сложных обязанностей. Успешное их выполнение напрямую зависело от того, насколько благочинный знал свой округ, состав священно- и церковнослужителей, паству, а также от опыта работы.

Благочинные несли полную ответственность перед епархиальной властью за состояние подведомственной территории, за выполнение всех предписаний синодального и епархиального начальства. В то же время благочинный в минимальной степени принимал участие в решении кадровых проблем. Его обязанности ограничивались преимущественно оформлением документов о прохождении службы, составлением ходатайств о награждении подчиненного ему духовенства, информированием священно- и церковнослужителей о принятых ТДК решениях. Чтобы выполнять свое духовное и административное служение, благочинным необходимо было объединиться друг с другом и с обществом, но сословное начало, обнаружившееся на тобольских епархиальных съездах, приводило к обсуждению лишь вопросов имущественного характера, изысканию дополнительных источников финансирования приходов.

[47] Инструкция благочинным Тобольской епархии, составленная консисторией в 1888 г., состояла из 22 пунктов.

Литература

Война и государственный заем. 1916 // ТЕВ. Отд. офиц. 42, 444; Отд. неофиц. 867; Отд. офиц. 44, 559–560.

Вопросы, подлежащие обсуждению и решению очередного (1916 г.) общеепархиального съезда депутатов духовенства и церковных старост Тобольской епархии. 1916 // ТЕВ. 16, 185.

Голошубин И., свящ. 1895. От Березова до Обдорска (Из путевых записок бывшего благочинного церквей Березовского округа) // ТЕВ. Отдел неофиц. 3, 41–47; Отдел неофиц. 5, 85–95.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523; Оп. 18. Д. 435; Оп. 19. Д. 7, 8, 10, 15, 17, 25; Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1, 15, 16, 18; Ф. И-704. Оп. 1. Д. 96; Ф. И-716. Оп. 1. Д. 32.

Дополнения и разъяснения к инструкции благочинному приходских церквей. 1885 // Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т. Барсов. Т. 1. Санкт-Петербург: в синодальной типографии, Приложение. Отд. I.

Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 год. 1871. Санкт-Петербург: в Синодальной типографии.

Инструкция благочинному церквей. 1885 // Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т. Барсов. Т. 1. Санкт-Петербург: в синодальной типографии. Приложение к ст. 653, XLVIII–LXI.

Инструкция благочинному приходских церквей. 1900 // Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям Епархиального Начальства. Москва: Университетская типография.

Об епархиальном управлении. 1885 // Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т. Барсов. Т. 1. Санкт-Петербург: в синодальной типографии, 163.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1913 год. 1913. Тобольск: Губернская типография.

Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы по истории местных сообществ азиатской России). 2004 / Сост., вступ. ст. и коммент. С.В. Турова. Тюмень: Вектор Бук.

Приказ Березовского духовного правления священнику В. Скосыреву о предоставлении об отставном солдате О. Шадрине. 2005 // В.Я. Темплинг (ред.-сост.) Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. I: Васильевская церковь (1746–1824). Тюмень: Мандр и Ка, 215–216.

Проект правил для благочиннических Советов Тобольской епархии. 1890 // ТЕВ. 13–14, 293–299.

ПСЗРИ. 1-е. СПб., 1830. Т. VI. № 3718; Т. XXXVIII. № 29711.

РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2361, 2362.

Руководственные для православного духовенства указы Святейшего Правительствующего Синода: 1721–1878. 1879. Москва: Тип. М.Н. Лаврова и К.

Смолич И.К. 1996. История Русской Церкви. 1700–1917. Кн. XVIII. Ч. I. Москва: издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.

Указ Его императорского величества, самодержца всероссийского, из Тобольской духовной консистории, благочинным и причтам церквей Тобольской епархии. 1890 // ТЕВ. 13–14, 291–293.

Указ Сургутского духовного правления священнику Юганской Богоявленской церкви А. Попову о назначении в Сургутский заказ на должность благочинного священника нижнелумпокольской Богородицерождественской церкви Я. Кайдалова. 2006 // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники / Сост. авт. предисл. и коммент. В.Я. Темплинг. Тюмень: Мандр и Ка, 112.

Устав духовных консисторий. 1883. Санкт-Петербург: Синодальная типография.

Устьянцева О.Н. 2007. Система управления Томской епархией в XIX – начале XX в. // Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.): исторические очерки. Кемерово: Кузбассвузиздат, 10–11.

Цыпин Владислав, прот. 2002. Благочинический округ // Православная энциклопедия: Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». Т. 5, 338.

Цысь О.П. 2013. Научная деятельность православного духовенства Тобольского Севера в XIX – начале XX вв. // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII Всерос. историко-педагогические чтения. Сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ. Ч. II, 314–324.

Глава 6

УДК 93/94

К ВОПРОСУ О ГОРОДСКОМ И ЗЕМСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В ЮГОРСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Аннотация. В главе раскрываются особенности развития вопроса о введении городского и земского самоуправления в Югорском крае; история создания, функционирования, реорганизации и ликвидации органов местного самоуправления (городских дум и управ, земских органов) в Сургуте и Березово, Сургутском и Березовском уездах в условиях удаленности от губернского центра, низкой плотности населения, безграмотности.

Ключевые слова: городское самоуправление; земское самоуправление; местное самоуправление; городская управа; городская дума; земская управа; земское собрание; земство.

Оценивая период проведения реформ местного самоуправления второй половины XIX – начала XX вв. на территории Югры, можно, безусловно, констатировать, что они начались с опозданием как для Сибири в целом, так и с еще большей задержкой для Сургутского и Березовского уездов в частности. В то же время необходимо отметить еще одну особенность – проводились реформы в усеченном варианте и в рекордно сжатые сроки и в конце XIX в., и в 1917–1919 гг.

Вопрос истории становления и развития городского самоуправления в городах Югры косвенно в своих исследованиях затрагивали О.П. Еланцева (Еланцева 2002), Е.М. Червякова (Червякова 2005). А.К. Анкушева (Анкушева 2005), Ж.В. Король (Король 2003: 48–51), А.Б. Храмцов (Храмцов 2007.)

Изучение истории движения за земское самоуправление в сибирском крае было начато современниками событий. Литература того времени носила в основном публицистический характер. В местной периодике конца XIX – начала XX вв. преобладали статьи о земстве, которые имели своей целью популяризацию идеи земского самоуправления в сибирских губерниях и областях.

Исключение составляют работы А.А. Корнилова (Корнилов 1912: 1–19), С.И. Акерблома (Акерблом 1912: 20–89), М.И. Альтшуллера (Альтшуллер 1916), Н.С. Юрцовского (Юрцовский 1917, 1919).

А.А. Корниловым были определены основные этапы развития движения за организацию земских учреждений в Сибири до издания рескрипта Николая II на имя иркутского генерал-губернатора П.И. Кутайсова 3 апреля 1905 г.: первый – 60–70-е гг. XIX в.; второй – 80–90-е гг. XIX в.; третий – 90-е гг. XIX в. – до царского рескрипта 1905 г. Данная автором периодизация истории движения за введение земства сохраняет свое значение до сегодняшнего дня. Исследования С.И. Акерблома и его соавтора в периодической печати, подписывавшегося «В. К.», – это своего рода первая попытка систематизации и анализа ряда проектов организации сибирского общества, появившихся на местах в 1905 г. Тем не менее, ценность всех работ исследователей снижается из-за отсутствия в них серьезных обобщений.

Дипломное сочинение студента Томского университета М.И. Альтшуллера, написанное по конкурсному заказу руководства вуза, представляет собой самое значительное исследование по теме. В монографии поставлены и раскрыты вопросы, касающиеся позиции правительства и местной администрации по отношению к земству в Сибири, а также рассмотрен ход кампании 1905 г. по составлению проектов основ самоуправления. Не обошел вниманием автор и историю обсуждения вопроса о сибирском земстве в Государственной думе до 1915 г. включительно.

В ряду вышеуказанных исследований особое место занимают работы Н.С. Юрцовского. Он один из первых обратился к проблеме введения земских учреждений в сибирских губерниях, изучил условия, повлиявшие на ход событий при организации волостного земства. Но то обстоятельство, что автор являлся не только современником событий, но и членом Тобольского губернского комитета по введению земства, т.е. разделял ответственность за неудачу выборной кампании 1917 г., придало его выводам относительно принятия земской идеи населением края явный оттенок субъективизма. По мнению этого автора, земская идея претворялась в жизнь исключительно по воле правительственных кругов, а население, боясь введения новых налогов, всячески противилось такому нововведению.

История земств сибирских губерний в советской литературе до последнего времени не являлась специальным объектом всестороннего изучения. Первые, фрагментарные сведения по земской проблематике стали появляться в работах сибирских авторов в конце 50-х гг. Одним из первых к проблеме земства обратился, в связи с изучением октябрьских событий в Зауралье, П.И. Рощевский (Рощевский 1959). Позднее этот вопрос привлек внимание В.Т. Агалакова (Агалаков 1978). Чрезмерная идеологизация науки в советское время не позволила авторам объективно проанализировать процесс становления земского самоуправления в крае и отношения к нему крестьянского населения. Так, в обеих монографиях проводится не подкрепленная конкретными фактами мысль о том, что почти все население в 1918 г. требовало упразднения земств. При изучении более широкого круга вопросов по истории края второй половины XIX – начала XX вв., в 70-е гг. возрос интерес историков к истории сибирского земства. М.В. Шиловский (Шиловский 1975) и И.Г. Мосина (Мосина 1978), исследуя общественно-политическое движение Сибири, обратились к полемике по земскому вопросу в среде местной буржуазии. А.А. Кузнецов, изучая деятельность сибирских депутатов, рассмотрел историю обсуждения проблемы сибирского земства в Государственной думе (Кузнецов 1976: 60–71). В 80-е гг. фрагментарно историю земского вопроса в Сибири начала XX в. осветил В.Н. Либуркин, уделив основное внимание исследованию деятельности местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Либуркин 1988).

Значительно большее внимание земской проблеме уделено исследователями Е.Н. Бабиковой (Бабикова 1970; 1980; 1982: 258–267) и Т.Б. Мальцевой (Мальцева 1974; 1983: 125–138; 1985: 188–193). Их научные труды по установлению советских органов власти в Сибири основательно затрагивают историю земских учреждений. Е.Н. Бабикова рассмотрела процесс ликвидации земств и городских дум в 1817–1918 гг. Объектом исследования Т.Б. Мальцевой стали земские учреждения Сибири, действовавшие в условиях колчаковской политики.

Начало новому этапу в исследовании земского вопроса в сибирском регионе положили работы Н.А. Яковлевой (Яковлева 1984; 1984: 28–49; 1994: 200–221; 1999: 98–100), в которых полно

и основательно проанализировано движение за земское самоуправление в крае вплоть до организации последнего в 1917 г. Основное внимание автором уделено обсуждению самóй земской идеи в Сибири и разработке планов ее воплощения в среде сибирской интеллигенции, а также в думских кругах. Однако при этом, как отметила Л.Н. Смирнова, исследователем «полностью игнорируется позиция высшей центральной власти и местной администрации» (Смирнова 1995). Как и большинству советских историков, Н.А. Яковлевой в своих первых публикациях не удалось отнестись к фактическому материалу с достаточной долей объективности. В постсоветский период она продолжила работу, рассматривая различные аспекты многолетней борьбы сибирской интеллигенции за земское самоуправление. Вопрос о деятельности земства в Сибири при Временном и сибирских правительствах также получил постановку в последних работах исследователя, но пока это касается лишь некоторых регионов Сибири, в частности Алтайского края.

В диссертации и предшествовавших ей публикациях В.В. Воробьева в качестве частной темы получил освещение вопрос о постановке земской проблемы на страницах местной периодической печати в период между первой русской революцией и началом первой мировой войны (Воробьев 1994; 1996).

Частично вопрос о роли земства в колчаковской политике рассматривается в работах современных авторов С.В. Расторгуева (Расторгуев 1994: 133–134; 1995: 71–73) и В.М. Рынкова (Рынков 1994: 127–129; 1996: 59–61). Качественно новый подход к изучению проблемы прослеживается в последних публикациях М.В. Шиловского, где он рассматривает движение за самоуправление в Сибири в качестве важной составляющей программы сибирского областничества (Шиловский 1995).

Земский вопрос и особенности введения, деятельности и ликвидации земского самоуправления на территории отдельно взятой сибирской губернии (Тобольской губернии) был изучен М.В. Угрюмовой (Угрюмова 2007).

Введение «Городового положения» 16 июня 1870 г. на территории Югорского края сталкивалось с рядом трудностей, обусловленных низкой плотностью населения в городах-селах (численностью менее 5 тыс. человек), малочисленностью городских

сословий и представителей дворянства, малоценностью недвижимых имуществ.

Только во второй половине 70-х гг. XIX в. органы местного самоуправления образовываются в Березове и Сургуте (Толочко, Коновалов, Меренкова, Чудаков 2003: 30). В Березове, например, «Городовое положение» было введено в 1876 г., здесь из 1886 человек выбирать могли только 90; в реальности только 79 человек приняли участие в первых выборах (Толочко, Коновалов, Меренкова, Чудаков 2003: 32; Экономическое состояние городских поселений Сибири 1882: 11, 24, 54, 59, 92, 167, 179, 185).

В городах Югорского региона учреждения сословного управления так и не были организованы в том виде, который был приемлем для большей части Сибири. Здесь не избирали сословных старост, как в иных сибирских городах, а общее руководство Сургутом и Березово осуществлял городской староста, обычно из мещан.

Даже после принятий «Городового положения» 1870 г. первоначально управы по-прежнему состояли из мещанского старосты, который выполнял свои традиционные функции, и двух членов управы. Позже их состав расширился, а мещанский староста избирался «из благонадежных людей» на три года (Свод законов Российской империи 1876: 148). За эту работу старосте и его помощникам, выполнявшим общественную службу, никакой платы не полагалось, если местное общество не решало их материально поддержать. В начале XX в. в Сургуте и Березово по-прежнему действовало упрощенное городское управление, здесь мещанское управление так и не было организовано. Руководство городами осуществляли городские старосты, которые по своей сословной принадлежности все были мещанами (Адрес-календарь Тобольской губернии на 1900 год 1899, 1901).

Учреждениями городского общественного управления по «Городовому положению» 1892 г. считались городские думы и городские управы. В городах, где введение городского самоуправления в полном объеме не представлялось возможным (по причине недостаточности городских средств, структуры занятий населения, степени развитости торговли и промыслов), вводилось упрощенное общественное управление – эти города внесли в особый список. Всего было три формы общественного городского

управления: в полном объеме, в полном объеме в порядке ст. 92 «Городового положения» 1892 г. и в упрощенном виде.

Прямое руководство делами городского хозяйства Сургута и Березово возлагалось на исполнительный орган городского самоуправления – Сургутскую городскую управу и Березовскую городскую управу. В сферу их деятельности входили: учет городского имущества; сбор требуемых городской думой сведений; исполнение думских постановлений; составление к думской сессии смет городских доходов и расходов; управление городскими налогами и сборами; защита интересов городского населения в суде; определение с разрешения думы правил и сроков отчетности подчиненных ей лиц и учреждений; ревизия этой отчетности и предоставление отчетов думе; наблюдение за правильностью застройки городской территории в соответствии с городским планом и строительным уставом; утверждение планов и фасадов частных зданий, разрешений на право открытия трактирных заведений, на постройку определенной категории заводских и промышленных заведений; выдача учреждениям и частным лицам различных справок, свидетельств, удостоверений, торговых документов и т.д. (ст. 95, 96 «Городового положения» 1892 г.).

В югорских уездах в силу географических особенностей (протяженность территорий и удаленность их от губернского и государственного центров), демографических (низкая плотность населения), а также в силу особенностей социальных и экономических, общественное управление в полном объеме вводилось далеко не во всех городах.

Для Березово и Сургута было применено упрощенное городское самоуправление (ст. 92 «Городового положения» 1892 г.). Здесь сход домохозяев, владевших имуществом, оцененным не менее чем в 100 рублей, избирал городских уполномоченных в количестве 12–15 человек, а те в свою очередь выбирали старосту. Ограниченность прав по такой упрощенной форме самоуправления выражалась в том, что местное самоуправление Сургута и Березово не могло издавать обязательные думские постановления, составлять и изменять планы городов, осуществлять надзор за производством торговли и прочее (Чудаков 2002: 25).

С момента своего возникновения сословная структура организации общества предполагала именно сословное управление, через

представителей которого городские сословия, с одной стороны, пытались решать собственные проблемы, с другой – находились под контролем местных и центральных властей. Деятельность органов сословного управления в городах Югры была также востребована, как и в крупных сибирских городах, жители которых не имели реальной возможности напрямую обратиться в городскую думу или управу по интересующему их вопросу. Из-за отсутствия в Югорском крае широкой сети общественных организаций, сословное управление было вынуждено выполнять, кроме прочих, и функцию социальной защиты членов своего, пусть немногочисленного, но сословия. По этой причине в самом конце XIX в. круг людей, занятых в сфере городского общественного управления, постепенно расширялся, а некоторые даже стремились остаться на выборных должностях на следующий срок.

В соответствии с группировкой городов, принятой официально Центральным статистическим комитетом, Березово и Сургут относились к категории городов-сел (менее 5 тыс. жителей). Такие города застраивались в основном деревянными домами, что было связано с изобилием и доступностью строительного леса, слабым развитием кирпичного производства, недостатком квалифицированных мастеров, местными традициями финно-угорских народов. По данным статистических комитетов, собранным в 1910 г., в городах Тобольской губернии на каменные здания в среднем приходилось лишь 4,8% жилых строений. В то же время в Сургуте все 232 жилых здания были деревянными (из них только 10 крыты железом, на одно строение приходилось 5,6 жителей); в Березово из 167 жилых строений 163 были деревянными, 1 каменное, 3 смешанных (полукаменных), 13 крыты железом, на каждое здание приходилось 7,4 человека (Города России в 1910 г. 1914: 1022, 1024, 1092).

Сургут и Березово в сравнении с подобными сибирскими местными самоуправлениями были на уровень ниже в своем развитии и достатке. К 1901 г., например, во всех городах Сибири, за исключением малонаселенных Березово и Сургута, уже имелись рентабельные, приносящие хороший доход городскому самоуправлению, скотобойни. Не были югорские города на тот момент (1910 г.) оснащены и уличным освещением, за исключением 14 керосиновых фонарей в Березово.

Локальные канализационные системы в начале XX в. также уже появились в ряде городов Тобольской губернии. Для очистки югорских городов местные самоуправления в лучшем случае обзаводились ассенизационными обозами и привлекали к этому частных ассенизаторов. В 1910 г. городские ассенизационные обозы имелись в Сургуте (Города России в 1910 г. 1914: 710, 712, 763, 1026, 1028, 1096; ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-677, И-738, И-741).

Согласно данным статистических комитетов, в 1910 г. легковой извозный промысел имел место в 70% сибирских городов, но такая простейшая хозяйственная структура отсутствовала в Березово и Сургуте (Города России в 1910 г. 1914: 1088, 1089, 1108). В то же время необходимо отметить, что Сургут уже располагал телефонной сетью протяженностью 7 верст (два абонента; на одного абонента приходилось 655 жителей Сургутского уезда).

Вследствие реформ городского самоуправления, промышленного подъема 1890-х гг., проведения Сибирской железной дороги, переживаемого взлета российской экономики в предвоенные 1910–1913-е гг. наблюдались позитивные изменения, но эти изменения кардинально не отразились на жизни городов Югры. Значительно укрепились традиционные сферы хозяйственной деятельности. Коммунальное строительство здесь по-прежнему находилось в зачаточном состоянии. Даже наличие природного сырья еще не давало возможности подключиться к модернизационным процессам, уже происходившим в большинстве сибирских городов, которые достаточно быстро наращивали темпы по созданию современной инфраструктуры с применением новейших технологий и научной экспертизы.

Своеобразной отсталости югорского городского самоуправления в конце XIX – начале XX вв. способствовали: суровые природно-климатические условия, низкие налоговые поступления, слабая местная кредитно-финансовая система и система путей сообщения, узкий местный товарный рынок; отсутствие земских учреждений, социально направленных мероприятий, талантливых лидеров и квалифицированных кадров.

В Европейской России земства – органы местного самоуправления – были введены в 1864 г. Толчком к организации земского самоуправления стало проведение реформы 1861 г., отменившей

крепостное право. Правительство, желая хоть как-то компенсировать дворянам утрату от отмены крепостного права и не имея средств для подъема местного хозяйства, пошло навстречу либеральной общественности, ходатайствующей о введении местного самоуправления. Функции земств, введенных с 1 января 1864 г., заключались в руководстве хозяйственными делами: строительстве и содержании местных дорог, школ, больниц, богаделен, организации продовольственной помощи населению в неурожайные годы, агрономической помощи и сборе статистические сведений. Поскольку социальной опорой земств считалось русское поместное дворянство, земства не были введены в районах, где доля дворянского землевладения была ничтожной (Север, Сибирь, Западные губернии, казачьи земли). Обилие местных географических, экономических, хозяйственных, национальных, политических и культурных особенностей пугало авторов царской реформы.

На территории Тобольской губернии вопрос о введении земства постоянно поднимался в управленческих, общественных, политических кругах, о чем говорит множество проектов, предложений по этому вопросу в губернской и уездной периодической печати.

В анализируемых проектах получил особое освещение вопрос о мелкой земской единице в условиях сибирской жизни. По мнению членов курганского отдела Московского обществ сельского хозяйства, «состав собраний первой мелкой земской единицы (волостных собраний) необходимо было предоставить на усмотрение самих мелких единиц» (Сборник о земстве в Сибири 1912. Вып. V: 12). Уже говорилось о пожеланиях крестьян в отношении мелкой земской единицы на так называемых губернаторских собраниях. Следует также отметить, что в наказах и крестьянских приговорах, переданных населением депутатам II Государственной думы по Тарскому уезду, было высказано общее пожелание ввести широкое местное самоуправление и, в частности, мелкую бессословную волость. В одном из крестьянских наказов от Тюменского уезда было отмечено, что земство должно быть открыто в Сибири в «мелких единицах» и поскорее (Сибирские вопросы 1907. № 4: 38). Авторы ялуторовского проекта высказались за такую основу местного самоуправления, которой должна была

стать «самоуправляющаяся единица, охватывающая одно или несколько селений, в зависимости от местных условий» (Сборник о земстве в Сибири 1912. Вып. V: 75). В литературе по земскому вопросу такие основные самоуправляющиеся единицы было принято называть мелкими земскими единицам, но ввиду того что в Сибири они могли составлять иногда значительные по величине территории, авторы проекта условились называть их не мелкими, а «низшими земскими единицами». В основание организации самоуправляющихся земских единиц были положены общественно-хозяйственные, в частности земельные, интересы.

Вызывает интерес мнение по этому предмету губернатора Тобольска. Он, в отличие от всех других авторов проектов, предлагал ввести мелкую земскую единицу на территории Сургутского и Березовского уездов в каждой из русских волостей и в инородных управах. Функции уездного земства при этом предполагалось поделить между волостным и губернским земством (Сибирские вопросы 1909. № 45: 16.)

В начале 1913 г. 34 члена IV Государственной думы обратились к председателю Совета министров и министру внутренних дел с заявлением, в котором были поставлены прямые вопросы о том, какие меры правительство предприняло по разработке проблемы о введении земского самоуправления в Сибири и когда оно предполагает внести в Государственную думу соответствующий законопроект (Известия по делам земского и городского хозяйства 1913. № 4: 17). По вопросу о введении земства в Сибири в МВД был составлен подробный доклад с соображениями министра внутренних дел Н. А. Маклакова.

После ликвидации думских проектов вопрос о сибирском земстве долгое время не поднимался в законодательных учреждениях. В 1913 г. правительство для решения проблемы организации земских учреждений в Сибири созвало совещание под председательством главного начальника управления по делам местного хозяйства Н. Н. Анциферова при участии тобольского и томского губернаторов, а также членов губернских правлений этих же губерний, директоров департамента полиции, канцелярии министра внутренних дел и др. Долгое время совещание, занимаясь элементарными обсуждениями статистических и других данных, имеющих отношение к реформе (Омский вестник 1913. 11 декабря),

не могло решить вопрос в положительном смысле, хотя участники периодически заговаривали о земском самоуправлении для двух западносибирских губерний, точнее для их некоторых уездов. В Тобольской губернии из предполагаемой территории были исключены Березовский и Сургутский округа, а также северные части Тобольского и Туринского уездов в составе Кондинского и Пелымского округов.

После начала Первой мировой войны сибирские парламентарии IV Государственной думы в августе 1915 г. вновь подняли вопрос о сибирском земстве. Они собрали под своим законодательным предложением 72 подписи депутатов, но представители Министерства внутренних дел высказались против такого предложения. МВД 22 декабря 1916 г. разработало свой проект о земском самоуправлении в Тобольской и Томской губерниях. По этому проекту земские учреждения предлагалось ввести не на всей территории названных территориально-административных единиц, а только в районах массового проживания русского крестьянского населения. В Березовском и Сургутском уездах, Кондинском крае Тобольской губернии земскими вопросами должны были заниматься особые комитеты, состоящие из местных чиновников под председательством уездных исправников, с выборными представителями от русских волостей и инородческих управ.

Министерский проект предлагал передать в ведение планируемых земских учреждений, помимо перечисленных в Положении 1890 г., экономические вопросы (развитие зернового хозяйства), транспортное строительство и страхование. Особенность сибирского земства усматривалась в переносе центра тяжести в организации его функционирования из губернии в уезды, в силу территориальной протяженности последних. Трехкуриальную систему представительства в Западной Сибири предусматривалось, «подобно северо- и юго-восточным губерниям», установить «по одному избирательному собранию и по одному избирательному съезду, включая в таковые, по принадлежности, также арендаторов скотоводческих участков, а равно не участвующих в волостных сходах лиц, коим отведены казенные земельные участки в порядке правил о переселениях» (Право 1905. 17 июля: 2333–2334). Разработчики позаботились в своем проекте и

о денежном содержании правительственных чиновников в северных регионах (в учреждаемых губернских канцеляриях по земским и городским делам), гораздо более высоком.

Проект закона «Об управлении земским хозяйством в губерниях Алтайской, Тобольской и Томской» предусматривал создание на основе выборов уездных и губернских земских собраний и наделение органов городского самоуправления Барнаула, Томска и Новониколаевска функциями уездных земских собраний. Численность гласных губернских собраний колебалась в пределах 46 для Алтайской губернии, 40 – для Тобольской и 34 – для Томской. В уездах она не превышала 40 (Бийский и Барнаульский) и не опускалась ниже 15 (Тогурский).

Избирательные права должны были получить крестьяне, владельцы «отведенных обложенных сбором на земские повинности казенных земельных участков» в размере 300 десятин в Алтайской и Томской губерниях и в пределах 300–475 десятин в северных уездах Тобольской губернии. Кроме них, по проекту избирательными правами наделялись арендаторы (со сроком аренды не менее 12 лет), священнослужители «христианских исповеданий» и городские жители, имеющие избирательные права по выборам органов городского общественного управления. Переселенцы, освобожденные от уплаты земских сборов и налогов, в рамках проекта лишались права участвовать в волостных собраниях по выборам кандидатов в земские гласные.

Министерство внутренних дел, преследуя свои интересы, органы самоуправления ставило под жесткий контроль местной администрации. В частности, в уездном земском собрании председательствовать должен был руководитель уездного съезда крестьянских начальников, а в состав губернского собрания по должности должны были входить: председатели всех уездных съездов крестьянских начальников, управляющие казенной палатой и отделением Крестьянского банка, чиновники от переселенческого управления, представители Министерства земледелия и Министерства путей сообщения, директор народных училищ.

Министерский проект о введении земских учреждений только в земледельческих уездах Западной Сибири с подавляющим преобладанием крестьянства, безусловно, носил консервативный характер. Более того, проект в ухудшенном варианте повторял все

самые жесткие предписания Положения 1890 г., устанавливая лимит на получение избирательных прав наличием 300–475 десятин земли или 15 тыс. рублей обложенного земским сбором имущества, в то время как проект депутатов IV Государственной думы предусматривал установление этого соотношения в пределах 7,5 тыс. рублей или 80–150 десятин земли.

Проведение выборов земских гласных по министерскому проекту предполагалось провести только во второй половине 1918 г., а деятельность собраний и управ должна была развернуться не ранее 1919 г. Отдельная же система всей организации земской деятельности предусматривалась для аборигенных этносов севера Тобольской губернии. Специфика самого северного, Березовского уезда, в котором в 1916 г. проживало 27 608 человек, распределявшихся в административном отношении между 3 волостями и 8 инородческими управами, была очевидна, и земство в таком виде было здесь бесперспективным.

В такой ситуации, по мнению чиновников МВД, население не могло содержать земские учреждения и финансировать их деятельность посредством земских сборов. Всего, по их подсчетам, минимальные затраты по уезду должны были составить 70 тыс. рублей в год, а жители, при существующих ставках налогов и земских сборов, могли внести только 10 тыс. рублей. Недостающие 60 тыс. рублей составители проекта предлагали возместить на паритетных началах за счет казны и земских сборов в более заселенных южных уездах губернии. При этом должно было сохраниться за северными территориями определенное количество мест и стипендий в Омской центральной фельдшерской школе, Тобольской акушерско-фельдшерской школе и Тобольской ветеринарно-фельдшерской школе.

Организация управления земско-хозяйственными вопросами в уезде должна была осуществляться на основе «Временных правил о земских повинностях в уездах Березовском, Сургутском и в тех частях Тобольского и Туринского уездов Тобольской губернии, на которые не распространяется Положение о губернских и уездных земских учреждениях, а равно в Тогурском уезде Томской губернии». Основной структурой в этом деле объявлялся уездный съезд по земским повинностям под председательством уездного исправника и в составе податного инспектора, представителя от местного

(губернского) управления земледелия и государственных имуществ и доверенных (гласных) от населения: по одному от каждой волости и инородной управы, избираемых на три года волостными сходами или собраниями членов родов. Кроме того, в состав Березовского уездного съезда должны были входить делегаты (по одному) от Березовского городского общественного управления и Обдорского сельского общества.

Съезд созывался один раз в год с разрешения губернатора и рассматривал проекты сметы земских доходов и расходов на очередной год, определял денежный эквивалент натуральных земских повинностей, обсуждал проект раскладки натуральных повинностей по волостям и инородним управам, а также другие вопросы, связанные с земскими повинностями. Кворум определялся в половину от общего числа полномочных участников съезда. Все постановления принимались простым большинством голосов, при равенстве их «мнение председателя дает перевес». Сметы визировались губернатором и поступали на окончательное утверждение министра внутренних дел, который имел право их корректировать. Для текущего руководства земскими нуждами образовывался уездный комитет в составе уездного исправника (председатель), податного инспектора, представителя управления земледелия и государственных имуществ, городского старосты г. Березова и одного из волостных старшин или руководителей инородных управ территории, назначаемого губернатором.

При оценке проекта следует иметь в виду, что уездные съезды осуществляли лишь предварительную подготовку смет, которые потом могли быть существенно откорректированы губернатором и министром внутренних дел. Лишь по вопросу о натуральных повинностях им предоставлялось право принимать окончательное решение. Передача руководства комитетами исправникам объяснялась отсутствием в уезде крестьянских начальников, а также еще и тем, что исправник отвечал за снабжение коренных жителей мукой, солью, охотничьими припасами.

Декабрьский проект МВД 1916 г. свидетельствует о том, что вопрос о сибирском земстве до последних дней самодержавия оставался на повестке законодателей. Однако процесс разработки закона был далек от завершения. Революция существенно ускорила его.

Долгожданное для кругов сибирской интеллигенции решение о введении земств в Сибири было принято Временным правительством 17 июня 1917 г. В Тобольской губернии были введены волостные, уездные и губернское земства. Исключение составили Березовский и Сургутский уезды. Здесь земства вводились лишь на той территории, которая не была занята кочевыми самоедами. Более того, Березовский и Сургутский уезды не получили уездного земства. Права и обязанности уездных управ возлагались на Тобольское губернское земство. Исполнительными органами земских учреждений являлись управы, распорядительными – собрания. Контроль за ними возлагался на комиссаров Временного правительства и административные суды. Организацию первых земских выборов взяли на себя исполнительные комитеты, комитеты общественного спокойствия, а также специально созданные комитеты по введению земских учреждений. В октябре – ноябре 1917 г. в Тобольской губернии путем проведения первых демократических выборов на основе всеобщего, тайного, прямого равного голосования были созданы волостные земства, в декабре 1917 г. – январе 1918 г. – уездные, в феврале 1918 г. началась работа губернского земского собрания, где приняли участие представители от северных уездов. От Березовского уезда на собрании, как и положено было по закону, присутствовали три делегата: Прокопий Степанович Григорьев, Павел Иванович Иванцов, Лев Никифорович Ямзин. От самоедов уезда на собрании присутствовал Хэму Хороля. Сравнивая земства Березовского уезда с земскими учреждениями других уездов, необходимо заметить, что они оказались самыми недееспособными, безынициативными. Выполняя распоряжения губернского земства, волостные земские учреждения Сургутского и Березовского уездов только собирали разного рода сведения. Тем не менее, органы местной власти в северных уездах просуществовали дольше всего, вплоть до марта – апреля 1921 г., когда власть окончательно перешла в руки большевиков (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-745, И-761, 735).

Югорскому самоуправлению в силу сложившихся природных, экономических, социально-политических, исторических условий и традиций пришлось несколько раз испытать на себе быструю смену событий. Тем не менее, оно пыталось выжить и существовать

в рамках закона, в установленном порядке исправно платило налоги, и в должниках никогда не числилось. Пройдет сто лет и ситуация кардинально изменится – местные самоуправления Югры станут во многом пилотными площадками для ряда проектов. После того как они были испытаны в югорских селах и городах, их внедряли на территории центральной части России. Постоянно высокая явка избирателей на выборах в органы местного самоуправления современной Югры также говорит о позитивном и продуктивном развитии здесь самоуправления.

Литература

Агалаков В.Т. 1978. Советы Сибири. Новосибирск: Наука.

Адрес-календарь Тобольской губернии на 1900 год. 1899. Тобольск: Тип. губ. упр.

Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 год. 1900. Тобольск: Тип. губ. упр.

Акерблом С.И. 1912. Разработка вопроса о земстве в Сибири со времени Высочайшего рескрипта до конца деятельности II Государственной думы // Сборник о земстве в Сибири. Санкт-Петербург: б. и.

Альтшуллер М.И. 1916. Земство в Сибири. Томск: Типо-Литография Сибирск. т-ва печатн. дела.

Анкушева К.А. 2005. Городские сословия Зауралья в конце XVIII – начале XX в.: Дис. … канд. ист. наук. Тюмень.

Бабикова Е.Н. 1970. Буржуазные органы власти и самоуправления Западной Сибири и их ликвидация в 1917–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск.

Бабикова Е.Н. 1980. Двоевластие в Сибири. Томск: Томский гос. ун-т.

Бабикова Е.Н. 1982. Некоторые проблемы историографии Советов Сибири периода двоевластия // Проблемы историографии революционного движения и борьба за власть Советов в Сибири. Томск: Томский гос. ун-т.

Воробьев В.В. 1994a. Земский вопрос на страницах периодической печати Западной Сибири в 1907–1910 гг. // Ядринцевские чтения: Матлы XVI науч. студ. конф. Омск: Омский гос. ун-т.

Воробьев В.В. 1994b. Общественно-политическая значимость обсуждения земского вопроса на страницах периодической печати Западной Сибири в 1907–1910 гг. // Русский вопрос: история и современность. Мат-лы докл. II Всерос. науч. конф. Ч. 1. Омск: Наука.

Воробьев В.В. 1996. Либерально-буржуазная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края в 1907–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск.

Города России в 1910 г. 1914. Санкт-Петербург: б. и.

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-677 (Березовская городская дума), И-738 (Березовская городская управа), И-761 (Кондинская волостная земская управа), И-745 (Самаровская волостная земская управа), 735 (Сосьвинско-Ляпинская волостная земская управа с. Сартыньинское Березовского уезда Тобольской губернии), И-741 (Сургутская городская управа).

Еланцева О.П. 2002. Источники по истории торговли в Тобольской губернии в пореформенный период (1861–1914): Дис. … канд. ист. наук. Тюмень.

Известия по делам земского и городского хозяйства. 1913. Санкт-Петербург. № 4.

Корнилов А.А. 1912. Вопрос о земстве в Сибири до Высочайшего рескрипта от 3 апреля 1905 г. // Сборник о земстве в Сибири. Санкт-Петербург: б. и.

Король Ж.В. 2003. Городские старосты Сургута в годы реформ местного самоуправления второй половины XIX в. // Сургут в отечественной истории: Мат-лы науч. конф. Сургут: СурГУ.

Кузнецов А.А. 1976. Вопрос о сибирском земстве в Государственной думе // Из истории аграрных отношений. Калининград: Калинингр. гос. ун-т.

Либуркин В.Н. 1988. Деятельность местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и их влияние на развитие общественно-политической жизни Сибири начала XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Омск.

Мальцева Т.В. 1974. Земство Западной Сибири в годы гражданской войны (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Томск.

Мальцева Т.В. 1983. Сибирское земство и колчаковщина // Вопросы социалистического строительства в Сибири (1917–1922 гг.). Томск: Томский гос. ун-т.

Мальцева Т.В. 1985. Земская «оппозиция» колчаковщине // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Новосибирск: Наука.

Мосина И.Г. 1978. Формирование буржуазии в политическую силу Сибири. Томск: Томский гос. ун-т.

Омский вестник. 1913.

Право. 1905.

Расторгуев С.В. 1994. Правительство Колчака и общественность Сибири в 1919 г. // Власть и общество в России в первой трети XX века. Москва: РАН.

Расторгуев С.В. 1995. Земства Сибири в структуре власти колчаковского правительства // Земства и Советы: исторический опыт и современные проблемы местного самоуправления. Иваново: Ивановская городская дума.

Рощевский П.И. 1959. Октябрь в Зауралье. Тюмень: Кн. изд-во.

Рынков В.М. 1994. Взаимоотношения Временного Сибирского правительства с органами местного самоуправления // История. Мат-лы XXXII Междунар. студ. конф. Новосибирск: Новосибирский ун-т.

Рынков В.М. 1996. Роль органов местного самоуправления в снабжении населения Сибири продовольствием в годы гражданской войны // Проблемы местного управления Сибири, XVII–XX вв. Новосибирск: Новосибирский ун-т.

Сборник о земстве в Сибири. 1912. Вып. V. Мат-лы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. Санкт-Петербург: б. и.

Свод законов Российской империи. 1876. Т. IX. Законы о состояниях. Санкт-Петербург: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.

Сибирские вопросы. 1907. № 4; 1909. № 45.

Смирнова Л.Н. 1995. Проблема земства в общественно-политической жизни Сибири на рубеже веков (90-е гг. XIX в. – 1907 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. 2003. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск: Омский гос. ун-т.

Угрюмова М.В. 2007. Земский вопрос и земское самоуправление в Тобольской губернии (вторая пол. XIX в. – 1919 год). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманит. ун-та.

Храмцов А.Б. 2007. Источники по истории городского самоуправления Тобольской губернии (последняя треть XIX – начало XX века): Дис. … канд. ист. наук. Тюмень.

Червякова Е.М. 2005. Источники по истории профессионального образования Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: Дис. … канд. ист. наук. Тюмень.

Чудаков О.В. 2002. Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.): Дис. … канд. ист. наук. Омск.

Шиловский М.В. 1995. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Вып. 1: Областники; Вып. 2: Либералы. Новосибирск: Новосибирский ун-т.

Шиловский М.В. 1975. Сибирское областничество накануне и в годы первой русской революции (1895–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Экономическое состояние городских поселений Сибири. 1882. Санкт-Петербург: б. и.

Юрцовский Н.С. 1917. Земство в Сибири. Тобольск: б. и.

Юрцовский Н.С. 1919. Волостное земство в Сибири в первый год его существования. Омск: б. и.

Яковлева Н.А. 1984. Земская реформа 1864 г. и Сибирь // Проблемы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул.

Яковлева Н.А. 1984. Земство в Сибири (1864–1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Яковлева Н.А. 1994. Февральская революция и сибирское земство // Грани 171.

Яковлева Н.А. 1999. Вопрос о земстве во II Государственной думе 1907 г. // Архивы на рубеже веков; их роль в исторической науке. Тюмень: Тюменский гос. ун-т.

Глава 7

УДК 93/94

СОЗДАНИЕ ВОЛОСТНЫХ И УЕЗДНЫХ ЗЕМСТВ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1918 гг.

Аннотация. В главе раскрываются особенности организации волостных и уездных земств в Тобольской губернии в июне 1917 – январе 1918 гг. Рассматриваются условия, в которых проводилась земская реформа в Тобольской губернии. Архивные материалы дают возможность проследить процедуру введения земств на одной из частей Сибири (Тобольской губернии), территории со специфическими природными условиями, низкой плотностью населения (являвшегося в основном безграмотным), отсутствием традиций земского самоуправления.

Ключевые слова: земство; земское самоуправление; волостные земства; уездные земства; уездная земская управа; уездное земское собрание; волостная уездная управа; волостное земское собрание.

Сегодня перед российским обществом по-прежнему стоит проблема формирования полноценной системы гражданского представительства и организации реального общественного самоуправления, без которых невозможно построение прочного фундамента демократической государственности. Для этого необходимо обращение, прежде всего, к собственному историческому опыту формирования демократической системы самоуправления, деятельности земств в 1917–1919 гг.

Некоторыми вопросами создания земств на сибирских территориях в разное время занимались Е.Н. Бибикова (Бибикова 1970), Т.В. Мальцева (Мальцева 1983: 125–138), Н.А. Яковлева (Яковлева 1982: 71–73; 1984: 28–50; 1990: 84–96; 1994: 200–221), Л.Н. Воронцова (Воронцова 1997: 19–26; 1996), В.В. Воробьев (Воробьев 1994: 33–35), Т.П. Невзоров (Невзоров 1995: 18–23), М.В. Угрюмова (Угрюмова 2007).

Многие вопросы истории земского самоуправления в Сибири остаются изученными фрагментарно, не получила должного

освещения в исторической литературе история создания тобольского земства за столь короткий срок в условиях смены центральной власти и наступающей гражданской войны.

Условия, в которых проводилась земская реформа в Тобольской губернии, были крайне неблагоприятными. Это и большая территория, и специфические природные условия, и низкая плотность населения (являвшегося в основном безграмотным), а также отсутствие традиций земского самоуправления. В силу различных обстоятельств решение о введении земских учреждений в Сибири было принято Временным правительством 17 июня 1917 г. (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1979. Оп. 1. Д. 46. Л. 19).

2 июля 1917 г. Тобольским губернаторским комиссаром В.Н. Пигнатти была получена телеграмма за подписью председателя Совета министров, министра внутренних дел князя Г.Е. Львова об утверждении Временным правительством Закона о сибирском земстве и необходимости немедленно приступить к подготовительным работам по приведению его в действие (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 730. Оп. 2. Д. 50. Л. 10). Телеграмма была доложена на заседании проходившего в это время съезда уездных комиссаров, где его участники вынесли постановление «считать единственно возможным, чтобы губернский комиссариат в лице комиссара и двух помощников принял на себя обязанности губернского комитета по вопросу о распространении земства» (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 730. Оп. 1. Д. 46. Л. 17).

В результате сложилась своеобразная и непредусмотренная законом ситуация: орган, который должен был осуществлять надзор за законностью введения земств, превратился в орган, исполняющий это самое введение. Но так или иначе, вся деятельность губернского комиссариата в качестве губернского комитета по введению земства была оправдана неотложностью момента, отсутствием времени на поиск людей, способных провести организацию земских выборов.

В уездах дело реформы постепенно оказалось в руках одиннадцати организаций – 5 исполнительных комитетов и 6 особых комитетов по введению земства. Вследствие того, что пришлось почти повсеместно создавать новые организации, уездные органы

для проведения земской реформы оказались сконструированными по всей губернии лишь к 22 июля. По материалам 6 южных уездов Тобольской губернии, в составах комитетов просматривается большое отличие по количеству членов и их принадлежности к той или иной партии, союзу (см. табл. 1).

Самым большим по составу являлся комитет по введению земства Курганского уезда (22 человека), самый малочисленным – Туринского уезда (9 человек). В целом по губернии большинство мест в комитетах принадлежало крестьянским депутатам (всего 26 человек), представителям советов рабочих и солдатских депутатов (всего 8 человек). Из политических партий ярче всего представлены социал-революционеры и социал-демократы (по 5 человек).

Таблица 1

Уездные комитеты по введению земства*

№ п/п	Уездный город	Дата первого заседания	Число членов комитета, человек	Представители в комитетах по введению уездного земства, человек
1	Туринск	07 июля	9	1 от социал-демократов 1 от социал-революционеров 1 от совета рабочих и солдатских депутатов 1 от духовенства 1 от союза волостных секретарей 1 от союза учителей 1 от кооперации 1 от городского самоуправления 1 мировой судья
2	Ишим	09 июля	21	4 от союза сибирской маслодельной артели 3 от городского самоуправления 1 от исполнительного комитета

				1 от военно-промышленного комитета 1 от земельного комитета 1 от союза учителей 1 от совета рабочих и солдатских депутатов 1 от торгово-промышленного союза 1 от сельскохозяйственного общества 1 от союза служащих правительственных учреждений 1 от союза профессиональных рабочих 1 от союза городских служащих 1 от социал-демократов 1 от социал-революционеров 1 от городского коалиционного комитета
3	Тара	10 июля	15	4 от совета крестьянских депутатов 2 от совета рабочих и солдатских депутатов 3 от союза учителей 2 от социал-демократов 1 от социал-революционеров 1 от земельного комитета 1 от союза торговых служащих
4	Тобольск	11 июля	18	9 от комитета общественного спокойствия 6 от совета крестьянских депутатов 3 от мусульман
5	Тюмень	19 июля	15	10 от совета крестьянских депутатов 2 от совета рабочих и солдатских депутатов 3 от городского самоуправления

6	Курган	19 июля	22	6 от совета крестьянских депутатов 4 от совета рабочих и солдатских депутатов 3 от городского самоуправления 2 от союза сибирской маслодельни 2 от потребительского кооператива 1 от сельскохозяйственного общества 1 от учительского союза 1 от союза волостных секретарей 2 от союза учредителей мелкого кредита

* Сост. по: материалы «Известий комитета общественного спокойствия». Тобольск, 1917. № 89–92; архивные источники (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 730. Оп. 1. Д. 46. Л. 34–57).

По окончании выборов земских гласных и формирования уездных земских управ уездные комитеты по введению земства закончили свою деятельность сдачей земским управам своих дел.

В ходе проведения земской реформы можно выделить три основных этапа: организация волостных земских учреждений, создание уездных земств и формирование губернского земского органа.

После полуторамесячных подготовительных работ на сентябрь были назначены выборы волостных гласных во всех уездах Тобольской губернии, за исключением Березовского и Сургутского. В ходе волостных выборов определилось отношение населения к земству, о чем стало известно сразу из отчетов уездных комиссаров.

Ишимский комиссар писал: «...к выборам в волостное земство, которые начались с 8 сентября, в общей массе, отношение крестьянства или безразличное или боязливое. Так, в волости Готопутовской в избирательных бюллетенях усмотрели печать антихриста,

поэтому часть их сожгли, а другую часть отказались заполнять» (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 722. Оп. 1. Д. 75. Л. 78).

Описание выборов представляли не только комиссары, но и корреспонденты местных газет. В газете «Крестьянский союз» (г. Курган) дана живая картина производства выборов одной из волостей: «Мужики, женщины, девчата, парни и старики сидели группами, человек по 10–15, настроение было деловое, серьезное. Можно было заметить, как между собой переговаривались старушки, которым казалось странным и диким, зачем их потребовали на сход. Одна бабушка выразила удивление, почему ее заставляют писать шесть палочек, приговаривая: “Поди, для меня было бы и трех, потому что я старая”. Ей объяснили, что голосовать надо за своих избранных кандидатов. Она опять в недоумении покачивала головой, видимо не понимая слов “голосовать”, “кандидат”. Таких старушек было много, а объяснять им не было ни времени, ни сил» (Крестьянский союз 24).

Были и другие впечатления от выборов. «Многие мужики говорили: “Вот теперь и надо налаживать все лучшее, пока у нас свобода и возможность”» (Крестьянский союз 95).

В целом в ходе волостных выборов к урнам явились от 10% до 100% избирателей. Активнее всего в выборах участвовали жители южных, так называемых «более культурных» уездов – Курганского и Тюменского. Инициативно к выборам отнеслись и представители инородческих волостей, где участие приняли от 69% до 100% избирателей (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 722. Оп.1. Д. 75. Л. 83). Интересен вопрос и об участии женщин в этих выборах. По отдельным волостям, в том числе инородческим, в голосовании участвовало от 4% до 69% избирателей.

Неподготовленность населения к выборам, в смысле подробного ознакомления с избирательной техникой, и отсутствие умелых руководителей на местах привели к массе нарушений. Прежде всего это утрата и уничтожение избирательных записок, несоответствие записок наказу, неправильная подача кандидатских списков и др.

Во многих округах население выбирало кандидатов открытой подачей голосов, мотивируя это своей неграмотностью. Так,

Байкаловская сельская избирательная комиссия (Тобольский уезд) сообщает, что «собранные люди выбрали гласных 15 человек без отпуска записок в ящик, заявив, что тайных голосований они не понимают, потому как грамотных совсем мало. В записках, мол, приходится писать другим лицам, грамотным, а они могут внести совсем другие фамилии» (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 730. Оп. 1. Д. 46. Л. 103–108).

Таким образом, производство выборов оставляло желать лучшего. В большинстве случаев население равнодушно отнеслось к выборам в волостное земство.

Тем не менее, в сентябре – октябре 1917 г. выборы в волостные земства Тобольской губернии были закончены. В октябре же состоялись первые волостные земские собрания, которые носили чисто организационный характер и были посвящены, главным образом, формированию земских управ.

В состав первых волостных земских управ вошли в основном крестьяне. Председателями управ чаще избирались бывшие волостные старшины, секретарями – бывшие волостные писари. И в этом нет ничего удивительного, т.к. в сибирской деревне после учительницы, фельдшера, священника, лесничего, доктора и мирового, если они были, писарь являлся самым грамотным и образованным человеком. Было совсем не плохо, если писарь до этого долго служил и хорошо знал свое дело, жизнь и нужды деревни. Первые сами не шли в волостное земство, по причине небольших окладов служащих земства. Следовательно, особо выбирать было не из кого. Кстати, деятельность волостных земств на первых порах совпадала с деятельностью старых волостных правлений. Поэтому, если иметь в виду бедность сибирской деревни интеллигентными силами, бывшие волостные писари явились чуть ли не единственно пригодными на должность волостных секретарей.

Сметы, утвержденные волостными земскими собраниями на 1917 г. (а местами на 1918 г.), заключали в себя те же расходные статьи, что и сметы старых волостных правлений. Новым было лишь общее возрастание размеров сметы по причине повышения цен и, как следствие, установление повышенных окладов (секретарю и членам управы). Если волостной старшина и писарь в 1916 г. получали от 60 до 600 руб. либо работали бесплатно, то

по сметам 1917 г. председателю назначалось в среднем 1000–3000 руб., а членам – от 750 до 2400 руб., секретарю – 900–2500 руб. Лишь в одной волости Тобольского уезда встречаются цифры: 240 руб. – председателю, 18 руб. – членам и 1200 руб. – секретарю (Известия Тобольского губернского комитета по введению земства. 1917. 16 января).

Как в составлении сметы, так и в своей деятельности сибирское волостное земство в отличие от земств Европейской России оказалось предоставленным самому себе. Если волостными земствами центра страны с первых шагов руководили уездные земские управы, то в Сибири уездные земства, по закону, должны были формироваться после волостных, да и сформировавшись, они были вынуждены заниматься работой по организации собственного аппарата, а позднее – вести борьбу за существование.

Вторым этапом проведения земской реформы в губернии является организация уездного земства. В большинстве местностей выборы уездных земских гласных состоялись в октябре – ноябре 1917 г.

Выборы в уездное земское собрание прошли при еще большем абсентеизме, чем в волостное. Целые волости отказывались от участия в выборах (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 730. Оп. 1. Д. 46. Л. 150). Встречались такие же нарушения, что и на первом этапе выборов. Например, по восьми уездам Тобольской губернии из 279 тыс. поданных бюллетеней 7% были забракованы как испорченные (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 722. Оп. 1. Д. 75. Л. 112).

Большое количество нарушений выборного порядка обнаружилось в Тарском уезде, их наименьший процент – в Тюменском и Курганском уездах, что опять же является показателем большей подготовленности населения южных уездов и более высоким уровнем их грамотности.

По различным уездам на этом этапе в выборах участие приняли в среднем 38% избирателей.

От волостных выборов уездные отличались следующим. Во-первых, повсеместно выборы проводились по пропорциональной системе. Число списков в каждом уезде доходило до десяти. Во-вторых, в выборах приняло участие городское население, но оно

проявило еще меньший интерес к земству, чем сельское, так как накануне состоялись выборы в городские думы. В-третьих, на городских выборах гласных в уездное земство были выставлены партийные списки, чего не наблюдалось в сельской местности.

В октябре – ноябре 1917 г. состоялись первые сессии уездных земских собраний. Первые уездные земские собрания начинали работать в течение 14 дней после оглашения списка избранных уездных земских гласных председателем уездного комитета по введению земства, а где таковой не был образован – председателем уездного исполнительного комитета или соответствующей ему организации (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 730. Оп. 1. Д. 46. Л. 46 об.).

Как и первые чрезвычайные волостные земские собрания, уездные должны были установить состав уездной земской управы, определить размеры присвоенного председателю и членам содержания, произвести выборы обозначенных должностных лиц, составить предложения о распределении повинностей между уездными и волостными земствами и заведовании отдельными отраслями земского хозяйства, определить сумму земской сметы (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 730. Оп. 1. Д. 46. Л. 47). Сверх указанных дел первые уездные собрания должны были произвести выборы губернских земских гласных, рассмотреть предложения о распределении между уездными и губернскими земствами повинностей и заведовании отраслями земского хозяйства (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 730. Оп. 1. Д. 46. Л. 47 об).

Первыми председателями уездных земских управ были выбраны: А.Ф. Вольтер (Тарский уезд), П.И. Быков (Тюменский уезд), В.И. Нагибин (Ишимский уезд), В.В Орловский (Тюкалинский уезд), П.М. Ильиных (Ялуторовский уезд), А.М. Тимофеев (Тобольский уезд), Жулква (Туринский уезд), П.Г. Торпаков (Курганский уезд). В основном это были беспартийные (5 председателей) либо эсеры (3 председателя) (Государственный архив Тюменской области. Ф. 292. Оп. 1. Д. 11. Л. 4; Известия Тобольского губернского комитета по введению земства. 1917. 20 января; 3 февраля). Число членов уездных управ колебалось от 5 до 7 человек.

На большинстве первых уездных собраний были сформированы отделы земских управ. В основном все управы имели специальные отделы: административный, экономический (или продовольственный), народного образования, народного здравия, финансово-бухгалтерский (Сибирская земская деревня. 1918. 14 февраля).

Составление земской сметы на первом уездном собрании рассмотрим на примере Курганского уезда. Смета на 1918 г. была составлена без дефицита, в размере 3 690 696 руб. 16 коп. Основные источники дохода составили сборы с земель, недвижимости, промысловых свидетельств, судебные сборы и пособия губернского земства. Всего 1 847 453 руб. 99 коп. (Савельев 1996: 187). Поступление данных доходов было напрямую связано с развитием сельского хозяйства, работой фабрик и заводов, торговых заведений. При нарушении цикла экономической жизни и падении производства земства оказывались в трудном материальном положении, и их практическая деятельность фактически останавливалась.

Большая часть расходов Курганского земства (табл. 2) должна была направляться на развитие образования (22,2%), медицины (15,5%), содержание милиции (20,2%). При нормальных экономических условиях данная смета, несомненно, сказалась бы на улучшении жизни населения, но в условиях начавшейся гражданской войны и экономической нестабильности выполнение земской сметы было невозможно.

Таблица 2

Расходы по первой смете (Курганский уезд)

№ п\п	Статьи расходов	Сумма расходов
1	Участие в расходах правительственных учреждений	616 382 руб. 23 коп.
2	Содержание земского управления	200 750 руб. 00 коп.
3	Содержание мест заключения и милиции	748 010 руб. 59 коп.
4	Содержание дорог	119 976 руб. 92 коп.
5	Содержание школ	820 365 руб. 00 коп.
6	Содержание заведений общественного призрения	103 641 руб. 42 коп.

7	Содержание медицинской части	572 278 руб. 74 коп.
8	Содержание ветеринарной части	178 350 руб. 00 коп.
9	Содействие экономическому благосостоянию населения	10 900 руб. 00 коп.
10	Погашение долгов	30 061 руб. 15 коп.
11	Разные расходы	27 000 руб. 00 коп.
12	Отчисления на образование капитала	987 232 руб. 67 коп.
13	Отчисления запасной суммы	175 747 руб. 44 коп.
14	**Итого**	**3 690 696 руб. 16 коп.**

Последним этапом формирования земских органов была организация губернского земства. Губернские гласные избирались на первых уездных земских собраниях согласно закону. К январю 1918 г. в губернское земское собрание было избрано 70 человек (от Тобольского уезда – 5, от г. Тобольска – 3, от Ишимского уезда – 12, от Курганского уезда – 11, от Тарского уезда – 9, от Туринского уезда – 3, от Тюкалинского – 10, от Тюменского – 3, от г. Тюмени – 3, от Ялуторовского уезда – 7, от Березовского уезда – 3, от Сургутского уезда – 0, от самоедов севера Тобольской губернии – 1 человек) (Известия Тобольского губернского комитета по введению земства 10).

Что касается партийного состава земств Тобольской губернии, на этот счет имеются лишь отдельные данные. В Тобольской губернии, по сведениям Губернского комитета по введению земства, в семи уездных земских управах было 2 народных социалиста, 12 эсеров и 30 беспартийных. Причем одна из уездных управ, например, полностью была в руках эсеров. Председатель, его заместитель и четыре члена были эсерами (ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 722. Оп. 1. Д. 116. Л. 23, 25–26).

Таким образом, большинство мест в земствах принадлежало беспартийным. Из политических партий ярче всего были представлены эсеры и меньшевики. Из средств массовой информации и архивных данных установлено, что по партийному составу первого губернского земского собрания «из 65 гласных Тобольского губернского земства примерно 30 были эсеры, 5–6 меньшевики, 2 кадеты. В Тобольское уездное земское собрание от г. Тобольска прошло 8 эсеров, 5 меньшевиков, 8 кадетов. Среди членов

Курганского уездного земства было 3 эсера, 2 меньшевика, 1 кадет». Все эти цифры весьма условны, так как даже сами члены Чрезвычайного губернского земского собрания не знали точного количества прибывших на сессию человек от разных партий (см., напр.: Известия Тобольского губернского комитета по введению земства. 1918. 5 февраля).

В первые десять дней февраля 1918 г. в Тобольске прошла I чрезвычайная сессия губернского земского собрания. За 16 заседаний гласные губернского земства сформулировали самые важные направления своей деятельности. Однако как ни старались члены губернского земского управления сохранить власть всенародно избранного самоуправления, в жизнь эту программу претворить было не суждено.

В свою очередь в условиях экономического кризиса и политической разрухи в стране волостные и уездные земства Тобольской губернии к январю 1918 г. были организованы и приступили к недолговременной, но достаточно продуктивной работе.

Литература

Бибикова Е.Н. 1970. Буржуазные органы власти и самоуправление Западной Сибири и их ликвидация в 1917–1918 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Томск.

Воробьев В.В. 1994. Общественно-политическая значимость обсуждения земского вопроса на страницах периодической печати Западной Сибири в 1907–1910 гг. // Русский вопрос: история и современность: Мат-лы докл. II Всерос. науч. конф. Ч. I. Омск: Наука.

Воронцова Л.Н. 1997. Постановка вопроса о реформе местного управления сибирской администрацией (80-е гг. XIX в. – 1907 г.) // Общественно-политическая жизнь Сибири XX в. Новосибирск: Новосибирский ун-т.

Воронцова Л.Н. 1994. Проблема земства в общественно-политической жизни Сибири на рубеже XIX–XX вв. (90-е гг. XIX в. – 1907 г.): Дис. … канд. ист. наук. Новосибирск.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1979. Оп. 1. Д. 46. Л. 19.

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 722. Оп. 1. Д. 75, 116; Ф. 730. Оп. 1. Д. 46, 50.

Государственный архив Тюменской области. Ф. 292. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

Известия Тобольского губернского комитета по введению земства. 1917; 1918.

Крестьянский союз. Курган, 1917. № 24, 95.

Мальцева Т.В. 1983. Сибирское земство и колчаковщина // Вопросы социалистического строительства в Сибири (1917–1929 гг.). Томск: Томский гос. ун-т.

Невзоров Т.П. 1995. Особенности земства в Сибири (начало XX в.) (К вопросу об областном земстве) //Актуальные проблемы правоведения. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т.

Савельев В.Г. 1996. Буржуазные реформы второй половины XIX в. и их проведение в Южном Зауралье: Дис. ... канд. ист. наук. Курган.

Сибирская земская деревня. 1918. 14 февраля.

Угрюмова М.В. 2007. Земский вопрос и земское самоуправление в Тобольской губернии (вторая половина XIX в. – 1919 год). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманит. ун-та.

Яковлева Н.А. 1984. Земская реформа 1864 года и Сибирь // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период развития капитализма. Барнаул: Алтайский гос. ун-т.

Яковлева Н.А. 1990. Земской вопрос в Сибири в 1875–1880 гг. (по материалам периодической печати) // Проблемы общественно-политической и культурной жизни Сибири (XIX век). Барнаул: Алтайский гос. ун-т.

Яковлева Н.А. 1994. Февральская революция и сибирское земство // Грани 171. Москва.

Яковлева Н.А. 1982. Вопрос о введении земства в Сибири на страницах журнала «Сибирские вопросы» в 1905–1907 гг. // Россия и социально-экономическое развитие Сибири: Тез. докл. зон. науч. конф., посв. 60-й годовщине образования СССР и 400-летию присоединения Сибири к России. Тюмень: Тюменский гос. ун-т.

Глава 8

УДК 93/94/314.02

НАСЕЛЕНИЕ ЛАРЬЯКСКОГО РАЙОНА ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОГО ОКРУГА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1939 г.

Аннотация. На основе анализа архивно-демографических источников автором рассмотрены особенности подготовительного процесса по проведению переписи населения в районах Крайнего Севера в рамках Всесоюзной переписной кампании 1939 г. В работе изучены специфические условия подготовительной деятельности переписных комиссий с учетом сложных северных условий. На примере Нижневартовска показаны итоги и результаты переписного процесса, проведенного на базе Нижневартовского сельского совета, в результате чего была установлена численность и половозрастной состав населения.

Ключевые слова: Всесоюзная перепись; Крайний Север; Нижневартовский сельсовет; округ; численность.

Изучение населения отдельных регионов России необходимо для более глубокого осмысления демографической ситуации в стране, характеризующейся большим разнообразием жизни в пространственном отношении, чтобы раскрыть основные закономерности и региональную специфику, которая в свою очередь поможет более отчетливо представить сущностные черты общероссийских народонаселенческих процессов.

Предметом рассмотрения является население Ларьякского района и села Нижневартовского в конце 1930-х гг. в контексте результатов переписи населения 1939 г. Применительно к истории города Нижневартовска по дореволюционному периоду и первой половине 1920-х гг. сведения о численности населения содержатся в трудах доктора исторических наук В.В. Цыся, а по второй половине 1920-х и 1930-м гг. представлены в работах профессора Л.В. Алексеевой, а также краеведа Н.В. Решетовой. Как указывает Л.В. Алексеева, специальных историко-демографических исследований по указанному региону не проводилось.

Как известно, за все время существования СССР с 1922 по 1991 гг. перепись населения проводилась семь раз. Перепись населения – это масштабный проект, требующий тщательной подготовки и разработки на самом высоком уровне. В огромной стране с ее многочисленным этническим и культурным разнообразием перепись была бы просто неэффективной, если бы не брались во внимание такие факты.

Третья Всесоюзная перепись 1939 г., по мысли высшего руководства страны, должна была предоставить объективные данные о численности населения, в отличие от переписи 1937 г., которая оценивалась руководством СССР как извращенная «троцкисткобухаринскими шпионами» (Волков 1990: 6–63). Подготовка к предстоящему событию организовывалась в кратчайшие сроки. Всесоюзная перепись назначалась на 17 января 1939 г. и проводилась методом опроса. Для городских поселений предоставлялось 7 дней (с 17 по 23 января), для сельской местности – 10 дней (с 17 по 23 января), в нашем регионе ее планировалось закончить к концу 1939 г. О значимости переписи свидетельствовал тот факт, что куратором ее был назначен председатель СНК СССР В.М. Молотов, принимавший участие и в предыдущей переписи 1937 г. (Андреев, Дарский, Харькова 1993). Под его председательством было сформировано Бюро Всесоюзной переписи, которое возглавил И.Ю. Писарев (Дмитриенко 2013: 43–47)

Перепись 1939 г., как пишет В.Б. Жиромская, была более обширной, чем в 1937 г. В переписи 1939 г. подробнее представлены сведения о грамотности и образовании, национальностях, родном языке, профессиональном составе (Жиромская 2001: 7). Огромные территории СССР, труднодоступность некоторых регионов, различные климатические условия, большая численность населения страны, полиэтничность и поликонфессиональность – все это требовало предельной концентрации сил и средств при организации переписи населения. Один лишь переписной лист был отпечатан на 22 национальных языках, инструкция по его заполнению – на 15, контрольный бланк – на 11, справка о прохождении переписи – на 31 языке. Как отмечает Т.С. Лабутова, организация подготовительных работ к проведению Всесоюзной переписи населения включала в себя 5 основных пунктов. Первое – составление списков сельских населенных пунктов и списков

домовладений в городских поселениях, а также карт районов; второе – проведение переписного районирования; третье – подбор и подготовка кадров переписи; четвертое – печать и рассылка на места всех документов переписи; пятое – разъяснительная работа среди населения (Всесоюзная перепись... 1992: 17).

По решению советского правительства перепись на Крайнем Севере планировали провести во второй половине 1939 г., а не как по всей стране – в январе 1939 г., объясняя это так: «По условию этих мест (труднодоступность многих районов, огромные расстояния, разбросанность населенных пунктов, кочевой образ жизни некоторых народов, населяющих Крайний Север) общесоюзные сроки переписи для них недостаточны» (Ваганов 1939: 5–6). Учитывая все эти обстоятельства перепись 1939 г. в Остяко-Вогульском национальном округе было решено проводить в декабре, так как основная масса населения в это время пребывала по месту жительства.

В выписке из протокола № 12 заседания Президиума Омского областного исполнительного комитета советов от 27 февраля 1939 г., посвященного подготовке к проведению Всесоюзной переписи населения на Крайнем Севере, сообщалось о сроках ее проведения. В соответствии с постановлением СНК СССР от 23 августа 1938 г. устанавливались следующие сроки проведения Всесоюзной переписи населения в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) округе:

Таблица 1

Сроки проведения переписи в районах Остяко-Вогульского округа
(Архивный отдел администрации г. Нижневартовска.
Ф. 4. Оп. 1. Д. 16. Л. 218)

Район	Начало переписи 1939 г.	Окончание переписи 1940 г.
Березовский	15 декабря	10 января
Кондинский	22 декабря	10 января
Ларьякский	15 декабря	10 января
Микояновский	15 декабря	10 января
Самаровский	23 декабря	10 января
Сургутский	15 декабря	10 января

Первым этапом подготовительных работ по Всесоюзной переписи населения в Остяко-Вогульском округе явилось, прежде всего, уточнение населенных пунктов и нанесение их на схематические карты сельских советов, а также составление полных исчерпывающих списков населенных мест, близстоящих строений и уточнение всех охотничьих и рыбацких избушек. Списки населенных мест уточнялись на всем протяжении хода подготовительных работ, по ее результатам составлялись схематические карты округа, районов и сельсоветов (КУ «Государственный архив ХМАО-Югры». Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26). Карты района, необходимые при переписи населения, приходилось изготавливать своими силами. Например, в ответе на докладную записку Ларьякского райинспектора НХУ Ф.А. Фатеева, в которой он просил прислать карты сельсоветов, читаем: «Окринспектура НХУ сообщает: для района схематическая карта к предстоящей переписи требуется одна, каковой на основе постановления Облисполкома и президиума окрисполкома от 4 января 1939 г. райинспектору НХУ обязан обеспечить райисполком без оплаты райинспектурой НХУ стоимости по изготовлению. Схематические карты сельнацсоветов надлежит изготовить силами Райинспектуры НХУ, путем выкопировок из районной карты. Материал для выкопировки, кальку или восковку надлежит изыскать на месте, так как таковой окринспектура НХУ за отсутствием выслать не может». Данная записка с подписью окружного инспектора НХУ Никифорова (имя неизвестно) и экономиста В.Г. Балина легла на стол Ф.А. Фатееву 16 марта 1939 г. Последний на просьбу ответил незамедлительно, обещая, что схематические карты будут готовы к 18 марта 1939 г., а стоимость составит 100 руб., которые он оплатит лично за свой счет, «потому что некому этого сделать» (Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 4. Оп. 1. Д. 15. Л. 237).

Подготовительная работа к переписи населения не останавливалась ни на один день. В связи с предстоящей весенней распутицей и остановкой почтовой связи из окружного центра приходили распоряжения, предлагающие в кратчайший срок выслать в Окрнархозучет схематическую карту района и списки населенных мест. Информацию наказывалось направлять «правительственной

почтой», без задержки, что еще раз доказывает всю важность предстоящего мероприятия. С 1 августа 1939 г. устанавливались сроки о предоставлении отчетности о ходе подготовительных работ. Таковые необходимо было высылать дважды в месяц 1–15 числа. За непредоставление отчетности в срок райинспектор нес персональную ответственность.

Разъяснительная работа среди населения проходила преимущественно в виде бесед с населением. Донесение информации осуществлялось при помощи газет и радио, также организовывались лыжные агитпробеги с заходом в каждый населенный пункт, а непосредственно перед началом переписи населения была получена кинокартина в 4-х экземплярах «Великий счет». Как правило, просмотр картины начинался с организованных бесед о целях и задачах переписи населения (КУ «Государственный архив ХМАО-Югры». Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26). В Ларьяке такого рода работу проводил Зыков (имя неизвестно, в документе указано, что он директор поселка). В сводке о ходе массовой работы по переписи населения от 29 июля 1939 г. Зыков дает следующий отчет: «С 1 января 1939 г. проведено 10 бесед. Охвачено 95 человек, выпущены 2 стенные газеты, где отражена важность переписи населения» (Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 4. Оп. 1. Д. 15. Л. 237). Всего по округу на страницах окружной и районных газет было опубликовано 54 статьи. Используя январский опыт переписи населения в центральных районах, в Остяко-Вогульском округе создавались комиссии содействия. Было сформировано 243 таких комиссии, которые насчитывали 1204 участника. Они помогали работникам переписи в уточнении списков населенных мест и составлении маршрута по объездам счетчиков, а также в проведении массово-разъяснительной работы в период подготовки и проведения переписи (КУ «Государственный архив ХМАО-Югры». Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26). По всей стране выпускались многочисленные плакаты и брошюры с призывом отнестись к предстоящей переписи ответственно и давать переписчику только верные сведения. Все это приводило к положительным результатам. Отношение населения к проводимой переписи было положительное. Коренное население (ханты, манси) всячески помогало переписчикам, предоставляя упряжки оленей для скорейшего их продвижения к месту работы. Был зафиксирован

и такой случай: «Хант Прасин Федор Иванович приехал на оленях за счетчиком, который должен был переписать население его юрты, покрыв расстояние в 291 километр. Товарищ Прасин боялся, что его юрту могут не найти и он останется пропущенным при переписи. Товарищ Прасин добровольно и совершенно бесплатно взялся работать проводником и переводчиком и обязался провести счетчика на оленях в несколько населенных пунктов. Товарищ Прасин с счетчиком проехал 500 километров» (КУ «Государственный архив ХМАО-Югры». Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26).

Кадры для переписи отбирались тщательнейшим образом. Подбор и утверждение переписных кадров начались еще в июне 1939 г. в связи с тем, что движение переписных кадров было большое, подбор их осуществлялся со значительным резервом. В некоторых районах резерв кадров доходил до 65%. Контингент счетчиков выбирался, как правило, из государственных служащих, но из-за нехватки кадров разрешалось привлекать для этого почетного и ответственного дела, на условиях дополнительной оплаты, работников школ, советских учреждений и торговых организаций, студентов и учащихся старших классов средних школ (Ваганов 1939: 5–6). Подбор кадров осуществляли, прежде всего, органы Нархозучета. Счетчиков для трудпоселков по возможности предлагалось использовать подобранных органами НКВД, запрещалось в качестве счетчика привлекать лиц из трудпоселенцев. Кандидаты выезжали в райцентр для утверждения их в качестве счетчика и принятия поручаемой ему столь важной политической работы, как проведение переписи населения.

Счетчики, инструкторы-контролеры, заведующие переписными отделами – все они тщательнейшим образом проверялись как с политической, так и с деловой стороны, они должны были иметь безупречную репутацию. Случались и курьезные случаи. Один из таких произошел ровно за два года до проведения Всесоюзной переписи населения. При проведении переписи скота в Ларьякском районе, которая проходила с 1 по 5 января 1938 г., в отчетной ведомости «Проведение переписи и контрольных обходов» отображен следующий факт: «Провести перепись в селе Ларьяк было поручено райинспектору НХУ А.Т. Соловьеву, последний приступил к работе 1 января 1938 г. В первый же день проведения своей работы напился пьяный, проводя перепись

в пьяном виде, Соловьев пропустил ряд хозяйств и скота, а также и записал по два раза некоторые хозяйства. Признав представленный Соловьевым материал недоброкачественным, по согласованности с райисполкомом, перепись в селе Ларьяке отменена и проведена повторно. Итоги переписи обсуждались в 32-х населенных пунктах на общих собраниях и собраниях актива» (Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 4. Оп. 1. Д. 23. Л. 224). При проведении Всесоюзной переписи такие факты нельзя было допускать.

В округе переписчику в помощь предоставлялся еще и переводчик, который, как и счетчик, получал за свою работу зарплату. Данная информация имеется в письме окружного НХУ для Ларьякского района от 21 ноября 1939 г. № 21/1, в котором говорится, чтобы смета расходов по проведению Всесоюзной переписи составлялась в соответствии со следующими указаниями: «Зарплата счетчиков составляла 20 рублей в сутки, а переводчика 10 рублей, включая и время, затраченное на разъезды. Оплата разъездных счетчикам и переводчикам оплачивается из расчета 60 коп. за один километр» (Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 4. Оп. 1. Д. 15. Л. 237). Зарплата счетчика за месяц составляла около 600 руб., что было почти в два раза больше среднемесячной зарплаты рабочих в СССР. (В 1939 г. среднемесячная зарплата рабочих в Куйбышевской области составляла 351 руб.). Для сравнения: килограмм колбасы стоил 7 руб., банка консервов – 3,15 руб. (Кирюшина 2012: 710–714). К примеру, по данным за сентябрь 1939 г., средняя оплата труда в промышленности и строительстве на Дальнем Востоке РСФСР (в Приморском крае) вольнонаемных рабочих ГУЛАГа составляла 958 руб., в Хабаровском крае средняя оплата была 668 руб. (Дмитриенко 2013: 42–47). В отчете о работе президиума Ларьякского райисполкома за I полугодие 1939 г. находим интересную информацию: «Государственную помощь по инвалидности получает 27 чел. ежемесячно по 346 руб» (Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 17). Судя по содержащейся там же жалобе двух учителей о невыплате им проездных и подъемных в размере 1316 руб., можно сделать вывод о высоком уровне социальной поддержки населения в СССР.

Максимальная нагрузка на счетчика в сельской местности составляла 1248 человек, минимальная – 83. Средняя нагрузка по округу составила 453 человека на одного счетчика.

Каждый из районов округа делился на счетные участки и считался самостоятельным переписным отделом. Всего было сформировано 211 участков (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество счетных участков по районам Остяко-Вогульского округа
(КУ «Государственный архив ХМАО-Югры». Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26)

Район	Количество счетных участков
Березовский	34 участка
Кондинский	34 участка
Ларьякский	15 участков
Микояновский	38 участков
Самаровский	38 участков
Сургутский	32 участка
Поселок Остяко-Вогульск	20 участков

Документы свидетельствуют о том, что подготовительные работы к Всесоюзной переписи населения в округе прошли организованно. Огромный интерес к мероприятию проявило коренное население, которое всячески содействовало уполномоченным лицам. Все мероприятия проходили в срок и без эксцессов. Для многих организаторов перепись стала самым большим событием и испытанием в их служебной деятельности.

В Ларьякском (Нижневартовском) районе перепись планировали осуществить в последние две недели уходящего 1939 года. Эти сроки были пересмотрены. Перепись населения устанавливалась с 1 по 31 декабря 1939 г. (КУ «Государственный архив ХМАО-Югры». Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26).

Нами обнаружен ряд документов, содержащих сведения о численности населения и его составе в пределах Нижневартовского сельского совета. Л.В. Алексеева подчеркивает, что «в деятельность совета входили вопросы, касающиеся: политического развития (коллективизация и раскулачивание, выборы, лишение

избирательных прав, взаимодействие с Нижневартовской территориальной первичной организацией); экономического развития (создание коллективных хозяйств, рыбное и сельское хозяйство, кооперация, заготовки налогообложение); социокультурного развития (школа, медпункт, деятельность культурных учреждений). Финансирование совета осуществлялось за счет окружных средств и местных налогов, поступавших на бюджет совета, характеризовавшегося скудностью: в среднем 30–35 тыс. руб. в год на протяжении предвоенного десятилетия» (Нижневартовск: прошлое и настоящее 2017: 112).

По итогам переписи населения 1939 г. численность населения Нижневартовского сельсовета составила 1424 человека. В селе Нижневартовском проживало 669 человек из них 332 мужчины и 337 женщин. Число лиц обоего пола в возрасте 18 лет и старше составляло 332 человека. Отсюда можем сделать вывод, что дети и подростки до 18 лет составляли практически половину жителей села, а именно 337 человек. Выявить возрастные группы позволяет ведомость по учету школ, где содержатся сведения о количестве учащихся по классам. В 1939 г. в Нижневартовске работала неполная средняя школа, в которой насчитывалось 7 классов и 8 учителей. В школе обучались 176 учеников: в первом классе – 10, во втором – 23, в третьем – 18, в четвертом – 24, в пятом – 36, в шестом – 41, в седьмом – 24. Численность детей до 8 лет и подростков от 15 до 18 составляла 161 человек (Алексеева, Миронычев 2016: 43–46).

Л.В. Алексеева приводит следующие данные по численности населения Нижневартовского сельского совета в 1930-х гг. (КУ «Государственный архив ХМАО-Югры». Ф. Р-129. Оп. 3. Д. 11. Л. 112; 2, Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 15. Л. 16).

1933	1936	1939
323	892	1 055

Как видно из приведенных показателей, данные за 1939 г. расходятся. Совместный анализ архивных документов позволил восстановить причины разночтения численности населения по данным автора и по данным Л.В. Алексеевой. Дело в том, что на протяжении всего подготовительного к переписи 1939 г. данные

о численности населения отсылались по запросу вышестоящих органов почти ежемесячно. Нам удалось выявить, что отчеты о численности населения отправлялись в феврале 1939 г. (тогда численность Нижневартовского сельсовета составляла 1055 человек), далее отчет был отправлен в марте (население составляло 1196 человек), а в отчете за май были указаны 1244 человека (Алексеева, Миронычев 2016: 43–46). По итогам декабрьской Всесоюзной переписи населения численность проживавших в Нижневартовском сельсовете составила 1424 человека (табл. 3). По заявлению Ф.А. Фатеева, прирост населения в районе с предварительным учетом составил 14%. Его заявление рассматривалось на заседании президиума Ларьякского районного национального исполнительного комитета советов РК и КД 20 декабря 1939 г. (КУ «Государственный архив ХМАО-Югры». Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. Л. 26).

Таблица 3

Численность населения Нижневартовского сельского совета в 1939 г.
(Архивный отдел администрации г. Нижневартовска.
Ф. 4. Оп. 1. Д. 15. Л. 237)

февраль	март	май	декабрь
1055	1196	1244	1424

Предвоенный Нижневартовск был вторым по численности населения и по культурному значению населенным пунктом Ларьякского района.

По результатам исследования осуществления подготовительных мероприятий к Всесоюзной переписи населения в Ларьякском районе нам удалось выявить, что все процедуры по подготовке к данному событию проходили в строгом соответствии с законодательными нормами и призывами Бюро Всесоюзной переписи. Организаторам переписи населения в Ларьякском районе удалось, несмотря на специфические трудности Крайнего Севера, в сжатые сроки подготовить все необходимое для бесперебойного осуществления намеченных целей. При проведении переписи происходили незначительные ошибки. Например, в вопросе № 15 переписного листа в ряде случаев отмечалось лишь название

колхоза и не указывалось его хозяйственное направление. Такого типа ошибки случались по вине отдельных счетчиков. Похожие ошибки были допущены в части неправильных двойных записей учащихся, постоянно проживавших по месту учебы в интернатах и по месту жительства родителей. Также были записаны с отметкой как временно отсутствующие лица, сопровождавшие грузы и ямщики, возившие ягоду на экстрактно-варочный завод в Нахрачи. Почти во всех районах были допущены ошибки арифметического подсчета, нередко в графу «мужчины» были записаны женщины и наоборот. Все эти и другие недочеты, обнаруженные при сдаче материалов, были исправлены.

Подготовительные мероприятия к Всесоюзной переписи населения на Крайнем Севере имели свои особенности, которые проявлялись в преодолении таких трудностей, как удаленность и труднодоступность населенных пунктов, языковой барьер, кочевой образ жизни коренных народов, сложные климатические условия.

Литература

Алексеева Л.В. 2016. К вопросу о населении Ларьякского района и об установлении численности нижневартовцев, участвовавших в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны // Шатиловские чтения. Нижневартовск: ПолиграфИнвест-сервис, 89.

Алексеева Л.В., Миронычев С.В. 2016. Население Нижневартовского сельского совета по переписи 1939 г. // Чалова А.П. (отв. ред.) Северный регион: наука, образование, культура 2 (34). Сургут: СурГУ, 43–46.

Андреев Е.М. Дарский Л.Е. Харькова Т.Л. 1993. Население Советского Союза: 1922–1991. Москва: Наука, 143 с.

Архивный отдел администрации г. Нижневартовска.

Ваганов А. И. Перепись населения на Крайнем Севере СССР. 1939. Москва; Ленинград: Госпланиздат, 5–6. URL: http: //elib.shpl.ru/nodes/24123#page/29/mode/inspect/zoom/4 (дата обращения: 15.10.2016).

Волков А. Г. 1990. Перепись населения СССР 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Сер. «История статистики». Вып. 3–5 (ч. II). Москва, 6–63. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html (дата обращения: 09.10.2016).

Всесоюзная перепись 1939 г.: основные итоги. 1992. Москва: Наука, 128 с.

Дмитриенко Н.М. 2013. Население Томска и Томских районов по данным Всесоюзной переписи 1939 г. // Вестн. Томск. гос. ун-та 6 (26). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/naselenie-tomska-i-tomskih-rayonov-po-dannym-vsesoyuznoyperepisi-1939-g (дата обращения: 10.12.2016).

Жиромская В.Б. 2001. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. Москва: Российская политическая энциклопедия, 280 с.

Казенное учреждение «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

Кирюшина Т.А. 2012. Политика советского государства в области заработной платы в 1938 – июне 1941 гг. (по материалам Среднего Поволжья) // Изв. ПГПУ им. В.Г. Белинского 27, 710–714. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/politika-sovetskogo-gosudarstva-v-oblasti-zarabotnoy-platy-v-1938-iyune-1941-gg-po-materialam-srednego-povolzhya (дата обращения: 22.10.2016).

Нижневартовск: прошлое и настоящее. Коллективная монография. 2016 / Под общ. ред. проф. Л.В. Алексеевой / Рукопись. Архив кафедры истории России НВГУ. Нижневартовск, 374 с.

Глава 9

УДК 93/94

О ПРОБЛЕМАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО ГОРОДА В 1990-е гг. (НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕВАРТОВСКА – НЕФТЯНОЙ СТОЛИЦЫ РОССИИ)

Аннотация. В статье рассматривается социально-экономическое положение Нижневартовска в годы радикальных экономических реформ. На основе новых источников анализируются показатели экономического развития в базовом секторе экономики, дается характеристика взаимоотношений предприятий и городской администрации. Особое внимание уделено состоянию нефтегазовой отрасли в указанный период. Дается оценка деятельности администрации города в столь непростой период жизни Нижневартовска.

Ключевые слова: город; экономика; реформы; кризис; приватизация; нефть; газ; акционерное общество; компания.

Рассмотрение экономического положения города Нижневартовска в период 1990-х гг. едва ли возможно без учета реформ, которые произошли в российской экономике вообще и нефтегазовой промышленности в частности. В начале 1990-х гг. нефтяная отрасль находилась в глубоком кризисе и пыталась устоять под напором бессистемных реформ. В той ситуации М.С. Горбачев порекомендовал «создать две самостоятельные нефтяные компании по примеру американских – в Сургуте и Нижневартовске», чтобы они могли соревноваться между собой (Турицын 2012). Магистральное направление развития по пути акционирования и последующей приватизации нефтяной отрасли в 1992–1993 гг. актуализировало вопрос о порядке ее реструктуризации. Эта проблема стала особенно острой в контексте впервые разработанной в России в 1992 г. энергетической стратегии, в рамках которой официально был взят курс на демонополизацию отрасли. На этом фоне ситуацию, определявшуюся стремлением быстрее «поделить» прежде общенародную собственность, усугубляла позиция доминировавших на заре радикальных реформ «молодых

реформаторов» в лице Е. Гайдара, А. Чубайса и пр., которые видели перспективы развития отрасли в создании относительно небольших частных нефтяных компаний. Однако в среде нефтепромышленников была выработана альтернативная линия. В условиях, когда государство практически перестало заботиться об инвестициях в отрасль, ставка была сделана на ее внутренние ресурсы, оптимизацию организации отрасли на основе выделения в самостоятельные компании преимущественно крупных хозяйственных субъектов. В 1992-й год Нижневартовск вступил в тяжелом экономическом состоянии.

Производственное объединение «Нижневартовскнефтегаз», работавшее с использованием старых скважин, оказалось убыточным, его долги росли как снежный ком. Городской бюджет испытывал большой дефицит. Так, за первое полугодие он составил более 800 млн. руб. Под угрозой оказалась подготовка ЖКХ к зиме, о чем мэр города Ю.И. Тимошков сообщал в многочисленных письмах в правительство РФ и в администрацию округа, а также Тюменской области (Архивный отдел... Ф. Р-108. Оп. 2. Д. 138. Л. 4, 8). К этому еще добавилась проблема налоговых поступлений. По закону о налогообложении и «Бюджетной системе РФ на 1-й квартал 1992 г.» предусматривалось закрепление налоговых источников в пользу республиканского бюджета. Таким образом, городская администрация лишилась финансовых ресурсов для обеспечения жизни города (Архивный отдел... Ф. Р-108. Оп. 2. Д. 139. Л. 11).

Одним из самых сложных для экономики РФ в целом и для НГК в частности стал 1994 год. Особенно крупные сокращения капиталовложений наблюдались в нефтедобывающей промышленности – на 53,6% к уровню 1993 г. До приватизации в Нижневартовске существовали следующие предприятия, осуществлявшие добычу нефти и газа: НГДУ «Самотлорнефть», «Приобьнефть», «Нижневартовскнефть», Белозернефть, АП «Ореховo-Ермаковское месторождение» (Архивный отдел... Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 695. Л. 4). Неплатежеспособность предприятий НГК создавала для многих из них угрозу объявления несостоятельными и применения установленных процедур санации и банкротства.

В 1990-х гг. в Нижневартовске образовались новые нефтяные компании. В их числе акционерные общества «Самотлорнефть»,

«Нижневартовскнефть», «Приобьнефть», «Белозернефть» и совместные предприятия «Магма», «Синко», «Санк», «Югранефть», «Ваньеганнефть» и др. Наиболее крупными компаниями по добыче нефти выступали «Самотлорнефть», «Нижневартовскнефть», «Приобьнефть», «Белозернефть». Постановлением правительства от 9 августа 1995 г. № 802 была создана Тюменская нефтяная компания. В ее состав вошли «Тюменнефтегаз», «Нижневартовскнефтегаз» (ННГ) и Рязанский НПЗ.

В 1997 г. была предпринята попытка запустить процедуру банкротства ННГ, т.к. предприятие не могло исполнять свои финансовые обязательства. Глава администрации города Ю.И. Тимошков написал письмо председателю правительства В. С. Черномырдину, в котором отразил позицию администрации города по данному вопросу, заключавшуюся в невозможности принять процедуру банкротства градообразующего предприятия. Результатом стал пересмотр некоторых условий погашения задолженности, передача дела на внутреннее усмотрение ТНК (Коновалова 1997).

В сентябре 1997 г. в Москве и Нижневартовске прошли первые в истории отрасли взаимоисключающие собрания акционеров АО «Нижневартовскнефтегаз». В Москве прошло собрание акционеров, поддерживающих ТНК, и стоявших за ней «Альфагрупп» и «Ренова». В Нижневартовске в собрании акционеров приняли участие сторонники В. Палия. Во второй половине 1990-х гг. ТНК была неэффективной и плохо организованной структурой. В АО «ННГ» было введено арбитражное управление. Управляющим являлся Ф. Маричев. Ситуация в компании несколько улучшилась, но конфликт с ТНК решен не был. Для преодоления конфликта был найден компромисс – подписание в правительстве соглашения о разделе продукции (Левченко 1998).

В экономике Нижневартовска 1990-х гг. ярко просматривалось три сектора: базовый, инфраструктурный и сектор услуг. Фундаментальная особенность каждого сектора северной экономики состояла в той роли, которую он играл в формировании финансовых активов. Базовый сектор включал предприятия нефтегазового комплекса, в результате своей экспортоориентированной деятельности они способствовали притоку в город новых денежных средств. Федеральный центр забирал у ХМАО как региона-

донора значительную часть доходов, а последний, в свою очередь, поступал также с муниципалитетами (Акопов 1999). Однако неустойчивость, идущая от Центра и мировых цен на нефть, генерировала окружную неустойчивость, которая затем транслировалась в муниципальную неустойчивость. В результате Нижневартовск стал дотационной территорией.

Сокращение финансирования геологоразведки из федерального бюджета привело к снижению разведочных работ уже в 1992 г. (Новости Приобья. 1993). С 1994 г. финансирование из федерального бюджета и вовсе прекратилось. Уменьшилось в разы строительство новых скважин. В 1999 г. проходка по предприятиям Нижневартовска составила 339 169 м, а на предприятиях Сургута (для сравнения) – 1 808 488 м, т.е. почти в 6 раз больше (ГАХМАО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1106. Л. 4).

Ухудшение финансового положения предприятий, с одной стороны, а с другой – дефицит квалифицированной рабочей силы порождали на рынке труда противоречие между местной рабочей силой и приезжими. Более 50 предприятий города из года в год использовали иногородних специалистов. В 1997 г. администрация города вынуждена была вплотную заняться вопросами урегулирования рынка труда и уменьшила привлечение иностранной рабочей силы на 35% (Может быть... 1997). В 1998 г. мировые цены на российскую нефть упали до самого низкого за 1990-е годы уровня — менее 10 долларов за баррель. Рубежным для ТНК стал 1998 год, когда руководство ТНК взяла на себя новая команда менеджеров, не боявшихся принимать смелые, подчас нестандартные решения (Алексеев 2005: 61). По оценке Ф. Галеева, 1998 год стал переломным для нефтедобывающих предприятий города, начался процесс приведения в порядок механизма их экономики (Галеев 1999). В 1999 г. ТНК вступила в борьбу с BP за обанкроченную «Черногорнефть» – дочернее предприятие СИДАНКО. Первый заместитель председателя правления ТНК Герман Хан (ранее член совета директоров СИДАНКО) объявил, что ТНК готова участвовать в аукционе в качестве покупателя «Черногорнефти». После этого у ТНК начались проблемы с американским банком Eximbank, который на неопределенный срок перенес открытие кредитной линии для Рязанского НПЗ

(на сумму 300 млн долларов) и решение о начале кредитования работ по реабилитации Самотлора (на 200 млн долларов).

Таблица 1

Добыча нефти предприятиями Нижневартовска в 1990-х гг., тыс. т (ХМАО в цифрах 1995)

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1999
96 676	45 173	32 539	28 550,4	25 869,7	23 940,1	22 672	24 831,1

Снижение добычи нефти в три с лишним раза отрицательно сказывалось на жизни города: на предприятиях начались увольнения, реальной стала безработица, хроническим явлением стала невыплата зарплаты. Среднемесячная зарплата значительно варьировалась по размеру, наиболее низкой она была в бюджетной сфере. Значительное число горожан имели зарплату ниже прожиточного минимума. Ю.И. Тимошков в письме главе администрации округа А.В. Филипенко от 31 января 1992 г. сообщал: «В г. Нижневартовске сложилась тяжелая обстановка в связи с систематической задержкой выплаты зарплаты предприятиям, организациям ввиду отсутствия денежных знаков в расчетно-кассовом центре… Социальная напряженность рабочих, населения возрастает. Ситуация крайне опасная» (Архивный отдел... Ф. Р-108. Оп. 2. Д. 139. Л. 10).

В 1993 г. в городе насчитывалось 6 556 предприятий (Архивный отдел... Ф. Р-108. Оп. 2. Д. 300. Л. 1), в 1994 г. – 6 540 предприятий с общим числом работников 111 904 (ГАХМАО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 855. Л. 131). Объем промышленной продукции в денежном выражении составил в 1990-х гг. следующую динамику.

Таблица 2

Объем промышленной продукции г. Нижневартовска, тыс. руб. (ГАХМАО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1105. Л. 3; Д. 892. Л. 9, 18)

1994	1995	1996	1998	1999
1 553 285	6 160 382	8 232 128	10 754,3	21 439,7

Для экономики города основным месторождением нефти попрежнему выступал Самотлор. В 1997 г. добыча на Самотлорском месторождении снизилась до 36 тыс. т в день. Тогда предполагалось, что месторождение практически исчерпано, но оказалось, что закончилась только легкодоступная нефть (Легендарное нефтегазовое месторождение...). Добыча нефти из трудно извлекаемых пластов приводила к удорожанию ее себестоимости. «Порой нефтяникам кажется, что государству ни они сами, ни нефть уже не нужны», – писал П. Акопов в «Независимой газете» в 1999 г. (Акопов 1999: 11). А между тем пятая часть российской нефти добывалась в Нижневартовском регионе. В начале 1999 г. В.О. Палий выступил категорически против реорганизации ННГ, направив большое количество обращений в правительство страны и округа. В. Грабовский, и.о. главы города Нижневартовска, заявил, что это внутреннее дело ТНК (Пыркова 1999). В результате реорганизации АОО «Нижневартовскнефтегаз» в марте 1999 г. учредили ОАО «Самотлорнефтегаз» – главный добывающий актив ТНК, которое вело разработку центральной и юго-западной части Самотлорского месторождения (Самотлорнефтегаз 2007: 68). Ф.Х. Галеев подчеркивал в то время, что политика ТНК направлена не на свертывание производства, а на достаточно мощную инвестиционную деятельность, говорил об улучшении экономической ситуации в «Нижневартовскнефти» (Косарева 1999). Однако добыть нефть – это полдела, ее надо еще переработать. Для подготовки и перекачки нефти на всех нефтедобывающих предприятиях существовали специальные цеха. К концу 1990-х гг. все площадки ЦППН были морально устаревшими, а оборудование изношенным. Требовались новые технологии, новое оборудование, реконструкция. Денег на это не хватало. Налоговые поступления от нефтяных компаний оставляли желать лучшего. Хорошо по этому поводу заметил А.В. Филипенко: «Действия нефтяных компаний хорошо продуманы. Не вступая в противоречие с законом, они уходят от уплаты налогов» (Мотошина 1993). В 1999 г. на объектах «Нижневартовскнефти» побывали депутаты Государственной думы, увидевшие реальное состояние объектов нефтедобычи. Им рассказали о проблемах уникального месторождения. Появилась надежда, что в государстве отношение к региону изменится к лучшему.

Наряду с нефтью предприятиями Нижневартовска осуществлялась добыча газа. Газ добывался нескольких видов: горючий, природный и попутный.

Таблица 3

Добыча газа предприятиями Нижневартовска в 1990-х гг., млн м^3
(ХМАО в цифрах 1995)

1991	1992	1993	1994	1995	1996	1999
5 694	4 136	3 885,7	2 992,4	2 636,2	2 505,5	2 360,4

Наиболее крупными газодобытчиками выступали НГДУ «Нижневартовскнефть», «Ваньеганнефть» и «Самотлорнефть». Снижение добычи нефти и газа объяснялось комплексом причин: общий кризис экономики страны; снижающийся спрос; ухудшение сырьевой базы; длительное поддержание низких цен на энергоносители; жесткая налоговая система (налоговая составляющая в тот период в цене нефти достигала 50–60%, в нефтепродуктах – до 75%); отсутствие достаточных инвестиций; рост текущих кредитных задолженностей; проблема неплатежей и др. В 1997 г. из нефтеносных пластов извлекалось не более 25–40% нефти. Огромное влияние на функционирование отрасли оказывал мировой нефтяной рынок, процессы глобализации. В ряду острейших проблем был инвестиционный кризис. Долгосрочные кредиты коммерческих банков в экономику составляли в 1995 г. 4% от общего объема кредитов. Ситуацию усугубляла недостаточно развитая в целом законодательная база промышленной сферы, которая и в середине 1990-х гг. характеризовалась наличием множественных и разрозненных актов, принятых или изданных в различные периоды советской и постсоветской истории. 1990-е гг. характеризовались также активной борьбой хозяйствующих субъектов за право обладания лицензиями на новые участки. Затем выдача лицензий из нераспределенного фонда стала проводиться через систему конкурсов и аукционов (Бодрова 2014).

Выжить в тяжелых условиях переходного периода части российских предприятий позволили международные стратегические альянсы. Сотрудничество российской нефтяной отрасли с иностранными корпорациями способствовало решению острых

финансовых проблем на начальном этапе становления рыночной экономики. В отрасли наиболее распространенными формами явились: добывающие компании со 100%-ным иностранным капиталом; совместные предприятия иностранных и российских компаний (СП). Другой формой являлось осуществление иностранных инвестиций на условиях соглашений о разделе продукции (СРП). Таким образом, на этапе с середины 1990-х гг. до 1998 г., традиционно характеризуемом как олигархический, в нефтегазовой промышленности складывался крупный частный сектор. Механизмом его формирования явились залоговые аукционы 1995–1996 гг.

В 1996 г. объем промышленной продукции составил 93,3% к уровню 1995 г. В 1997 г. в Нижневартовске продолжилось замедление темпов спада производства промышленной продукции. В 1998 г. темпы спада производства промышленной продукции возросли (из-за произошедшего в стране кризиса). В 1997 г. объем ее в городе составил 98,8% к уровню 1996 г. (ГАХМАО. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 616. Л.9). Сложное финансовое положение нефтедобывающих предприятий привело к сокращению капитального строительства. В 1999 г. наметился незначительный промышленный рост, падение прекратилось. Объем промышленного производства к уровню 1998 г. составил 100,7% (ГАХМАО. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 676. Л. 11).

К середине 1990-х гг. в России создалась реальная угроза утраты стабилизирующей роли топливно-энергетического комплекса в экономике страны и превращения его в мощный источник ускорения распада всех сфер экономики и усиления дезинтеграционных процессов. В городе Нижневартовске сложилась классическая северная нефтяная экономика: предельно экспортоориентированная. В 1997 г. Нижневартовск отметил 25-летний юбилей. Глава администрации Ю.И. Тимошков в этой связи заметил, что лозунг «Человек и нефть – забота главная» потерял свою актуальность. Для города стал важен сам человек (Тимошков 1997).

Несмотря на все трудности 1990-х гг. город, которым профессионально руководил Ю.И. Тимошков, не только устоял, но и развивался, благоустраивался. В этом, безусловно, заслуга всех, кто трудился, – от рядовых сотрудников до управленцев предприятий

и организаций, а также администрации города, представлявшей собой квалифицированную команду.

Литература

Акопов П. 1999. Вахский край – сибирская провинция // Нефтяник. 28 мая.

Алексеев С.А. 2005. Об истории создания ТНК-ВР и начале формирования корпоративной культуры организации // Мира не узнаешь, не зная края своего… Мат-лы IX краеведческих чтений / Отв. за вып. В.И. Чернышова. Нижневартовск: МУ «Нижневартовская типография».

Архивный отдел администрации г. Нижневартовска.

Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В. 2014. Развитие нефтегазового комплекса России в 1990-е гг. // Вестн. Нижневарт. гос. ун-та. № 2. Науч. б-ка КиберЛенинка. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-neftegazovogo-kompleksa-rossii-v-1990-e-gg#ixzz3qUiqeopf (дата обращения: 4.11.2015).

Галеев Ф. 1999. «Нижневартовскнефть» никогда не боялась нестандартных решений // Местное время. 29 июля.

Казенное учреждение «ГА ХМАО-Югры».

Коновалова С. 1997. О банкротстве «Нижневартовскнефтегаза» // Местное время. 10 сентября.

Косарева О. 1999. Тридцать лет спустя // Новости Приобья. 2 апреля.

Левченко Н. 1998. Кому по зубам «крепкий орешек» // Новости Приобья. 18 июня.

Легендарное нефтегазовое месторождение Самотлор празднует полувековой юбилей. URL: http://www.oilexp.ru/news/russian_rinok/legendarnoe-neftegazovoe-mestorozhdenie-samotlor-prazdnuet-poluvekovoj-yubilej/93013/ (дата обращения: 10 октября 2015).

Может быть, стоит повысить зарплату? 1997 // Местное время. 26 декабря.

Мотошина Т. 1993. Нефтяная отрасль всегда была дойной коровой у государства. Такой она и осталась // Местное время. 1999. 8 апреля.

Новости Приобья. 3 ноября.

Пыркова Т. 1999. «Нижневартовскнефтегаз»: реорганизация или ликвидация? // Новости Югры. 11 февраля.

Самотлорнефтегаз. 2007 // Бизнес Нижневартовска / Автор проекта В. Данилов. Нижневартовск: Март-пресс.

Тимошков Ю. 1997. Наш город обязательно будет комфортным и красивым // Местное время. 28 июня.

Турицын И.В., Рыжков Т.В. 2012. Нефтяная отрасль России 1980-х – начала 1990-х годов: предпосылки и условия реформирования // Вестн. Чувашского ун-та. № 2. Науч. б-ка КиберЛенинка. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/neftyanaya-otrasl-rossii-1980-h-nachala-1990-h-godov-predposylki-i-usloviyareformirovaniya#ixzz3qVMYcdMU

ХМАО в цифрах (1994). 1995. Статистический сборник. Ханты-Мансийск // ГАХМАО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 56.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Любовь Васильевна – доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Миронычев Сергей Викторович – студент 3 курса бакалавриата гуманитарного факультета Нижневартовского государственного университета.

Митрофанов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (филиала Научно-исследовательского университета в г. Нижневартовске).

Спичак Александра Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Нижневартовского государственного университета.

Солодкин Яков Григорьевич – доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Угрюмова Марина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент Нижневартовского государственного университета.

Цысь Ольга Петровна – кандидат исторических наук, доцент Нижневартовского государственного университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. К РАННЕЙ ИСТОРИИ ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 3

Глава 2. К РЕКОНСТУКЦИИ СОСТАВА БЕРЕЗОВСКОГО КАЗАЧЕСТВА КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII вв. 14

Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА В ДРУГУЮ ЦЕРКОВЬ ДУХОВНЫХ ЛИЦ В XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ЦЕРКВЕЙ БЕРЕЗОВСКОГО ОКРУГА)..... 24

Глава 4. К ВОПРОСУ О ТОРГОВЛЕ СОЛЬЮ И ВИНОМ В РЯДЕ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1863 г..... 45

Глава 5. БЛАГОЧИННЫЕ БЕРЕЗОВСКОГО И СУРГУТСКОГО ОКРУГОВ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв. 53

Глава 6. К ВОПРОСУ О ГОРОДСКОМ И ЗЕМСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В ЮГОРСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв..... 67

Глава 7. СОЗДАНИЕ ВОЛОСТНЫХ И УЕЗДНЫХ ЗЕМСТВ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1918 гг..... 86

Глава 8. НАСЕЛЕНИЕ ЛАРЬЯКСКОГО РАЙОНА ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОГО ОКРУГА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1939 г. 99

Глава 9. О ПРОБЛЕМАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО ГОРОДА В 1990-е гг. (НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕВАРТОВСКА – НЕФТЯНОЙ СТОЛИЦЫ РОССИИ)..... 111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 121

Научное издание

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Часть VII

Редактор *Н.В.Титова*
Технический редактор *Н.В.Титова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 16.06.2017
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 7,7
Тираж 300 экз. Заказ 1838

Отпечатано в Издательстве
Нижневартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижневартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru